

Яна Розова

Сбывшиеся сны печальной блондинки

Яна Розова

**Сбывшиеся сны
печальной блондинки**

«Автор»

2004

Розова Я.

Сбывшиеся сны печальной блондинки / Я. Розова — «Автор», 2004

Десять лет назад Алла Острикова пережила развод. Сейчас она руководит рекламным агентством и производит впечатление весьма преуспевающей стервы. Но внезапно в ее размеренную жизнь врывается бывший муж. Олег обвиняет экс-супругу в похищении своего сына. Вскоре он убеждается, что Алла непричастна к его беде, и просит ее о помощи. Женское сердце щедрее мужского, и Алла соглашается... Теперь, балансируя на острие ножа, Алла встречает каждый новый день, приносящий все новые несчастья. Лучший друг оказывается жадным мерзавцем, погибают сотрудники ее рекламного агентства, а сама Алла попадает в лапы настоящего сумасшедшего. Но несмотря на все невзгоды, обрушившиеся на голову бедной женщины, есть один положительный момент: она чувствует, что ее прежняя любовь к бывшему мужу не умерла и готова возродиться с новой силой...

© Розова Я., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	34
Глава 11	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Яна Розова

Сбывшиеся сны печальной блондинки

© ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть 1

*Чтобы убежать от света,
не нужно рвать с людьми.
Правда сердца в том,
чтобы предоставить ему свободу.
Не нужно подавлять желания
и делать сердце подобным
«мертвому пеплу».*
Хун Цзычен. «Вкус корней»

Глава 1

Воздух был плотным, как вода, и сотрудники фирмы двигались в нем, словно большие медлительные рыбы. В моем кабинете, на стуле для посетителей, сидел мужчина лет тридцати с небольшим деревянным коробком в руках. В коробке были прорезаны по три круглые дырочки с каждой стороны, но понять, что там находится, было невозможно.

– Разместите мою рекламу в космосе, – требовал клиент. – Я хочу, чтобы по всей Вселенной болтались перетяжки с рекламой моей клиники. Слоган такой: «Вставьте себе зубы, долговечные, как наша Галактика!»

– Вы хоть представляете себе, сколько это может стоить? – поинтересовалась я, будто бы цена в этой ситуации была определяющим фактором.

– Не знаю и знать не хочу! – отрезал дантист. (Конечно, это был он! Вот и в руках бывший муж держал, кроме коробки, еще и новенькую никелированную вставную челюсть.) – Ты должна мне за десять лет! Это куча бабок!

– Что у тебя в коробке? – задала я следующий вопрос.

– Там мой сын. Как у Сент-Экзюпери в «Маленьком принце».

– А это что? – нечто отвратительное, бело-багровое, состоящее из осклизлых сгустков, позади заказчика стекало вниз по стене.

– Это, – послышался незнакомый голос из-за моего плеча. – Это мозги китайского директора.

И тут я проснулась. Более неприятного видения у меня еще никогда не было. Почему мне приснился такой сон? Зачем я видела во сне его? Теперь весь день – коту под хвост.

Все еще находясь под влиянием мерзкого абсурда, я вылезла из постели и пошаркала на кухню. Удивительно, но первое, что я делаю проснувшись, – это ем. Люди мучаются с утра, не могут кусок проглотить, с трудом вливают в себя чашку кофе, а я лопаю как крокодил! Зато не ужинаю на ночь, может, поэтому и просыпаюсь злая и голодная. Завтрак – моя основная трапеза за день. Потом, на работе часто и воды выпить некогда, а вечером готовить еду просто нет сил. Вот я и стараюсь хорошенько поесть с утра.

Но только не сегодня. Меня просто тошнило, как беременную. А поскольку волноваться в этом смысле не было никаких оснований, выходило, что это из-за сна. Стена с бело-багровыми подтеками все еще стояла у меня перед глазами. Стараясь не вспоминать омерзительный сон, я полезла в душ. Но напрасно. Фантазмагория с участием мужчины, с которым я развелась десять лет назад, и ни разу, даже случайно не встретила за эти годы, который уже три года как не снился мне, не хотела забываться. Напротив, как черт из табакерки, она выглядывала из-за каждой мысли, которая возникала в голове.

Что ж, не будем бегать от проблем, коли у нас такие коротенькие ножки! Попробуем разобраться в этом сне. Не верю в то, что сон предсказывает будущее. Верю в то, что сон – это отражение нашего подсознания. Обрывки впечатлений, случайные образы, мысли, затерявшиеся в подсознании за последнее время. Все это смешивается в голове и выплескивается ночью в виде сна.

Я стояла под горячей водой, нежась и подставляя под не слишком обильные струи спинку и плечи. Когда я нервничаю, то всегда начинаю мерзнуть. Может, сосуды плохие, может, еще что. Не знаю, я не медик. Только, если волнуюсь, мерзнут руки, если переживаю посильнее, то и колени, а если серьезно нервы шалят, то к рукам и коленям присоединяется синеющий нос.

Значит, так, офис мне приснился потому, что я там почти живу. Точнее, живу, только не ночую. Это естественное для меня место обитания. То, что ребята в офисе еле поворачивались, тоже нормально, только вчера я высказывала свой начальственный «Ай-яй-яй!» руководителям служб за неповоротливость. На носу презентация новой продукции на химическом заводе, а у них ничего не готово! Там будут люди из Москвы, члены правления завода, руководство, они посмотрят на наш бардак и в следующий раз привезут своих, столичных рекламщиков! Тогда конец всему. Для РА» Эврика» потеря такого клиента, как Гродинский химический завод, – катастрофа действительно вселенского масштаба!

Размещение рекламы в космосе – тоже объяснимо. Мишка, наш главный творец, начальник креативного отдела, что-то такое сказал, когда мы обсуждали саморекламу в местной прессе. Вспомнила! «Разместим вашу рекламу даже на Луне!» – вот его нетленный шедевр доподлинно.

Теперь мозги «китайского директора». Все проще простого: вчера в ночном выпуске новостей показали криминальный сюжет, точнее, даже репортаж с места события, и я узнала, что мой постоянный клиент, которому мы обеспечивали предвыборную рекламную кампанию, был убит выстрелом в голову. Тело, слава всевышнему, не показали, а вот комментарий прозвучал буквально так: «Мозги директора химического завода Китаева пришлось отмывать с панелей дворничихе Софье Петровне». Я бы уволила такого репортера через минуту после эфира. Нет, не так! Я бы сначала не пустила такой комментарий в эфир, а уже потом бы уволила репортера. Но меня спросить забыли.

Я еще очень переживала: во-первых, потому что была знакома с Китаевым и знала его как удивительно порядочного человека. У него большая семья и двое взрослых детей. Теперь они остались без отца. Во-вторых, волновалась, что в связи с происшествием презентация нового вида удобрения будет отменена. Если честно, я даже позвонила коммерческому директору химзавода на мобильник. Это было хамством, учитывая ситуацию, но я сделала вид, что звоню выразить свое сочувствие. Потом закинула удочку насчет изменения в планах администрации завода. Собеседник заверил меня, что страшное несчастье не станет поводом для срыва презентации. Конечно, он понял, зачем я звоню, но не позволил себе послать подальше настырную бабу.

Вернемся к нашим баранам! Дальше – хуже. Почему мне приснился Олег, я понять не могла. Почему его сын сидел в коробке? Это был тупик. Произнеся имя бывшего мужа, я поморщилась: какие-то струнки в душе стали напевать знакомую мелодию. Пока еле слышно, но звук усиливался с каждой секундой. Слишком знакомая партитура, слишком легко идет, слишком часто я исполняла эту музыку раньше...

Из душа я вылезла буквально разбитая. Мокрая и голая остановилась перед зеркалом, висящем в ванной. Мне захотелось увидеть себя. Но мутное зеркальце было такое маленькое, оно едва отражало лицо и шею. Я вышла в комнату и остановилась перед зеркальной дверцей шифоньера.

В ней я увидела ухоженную женщину лет тридцати с небольшим. У нее были крашенные белые прямые волосы до плеч и ровная густая челка до бровей. Лицо женщины было круглое,

а губы пухлые. Тело в зеркале отражалось полностью – худые плечи, не слишком тонкая талия. Далеко не идеальные бедра, на мой вкус, были все же толстоваты. Ноги... как ноги. Ничего особенного. Единственный действительно ценный подарок, который мне сделала природа, это – грудь! Мне самой она нравилась. Не слишком большая, но полная, моя грудь до сих пор была свежей и высокой. Как жаль, что за десять лет ее никто не видел, кроме меня самой!

Карина, моя самая близкая подруга, давно грозила мне помешательством на почве секса. Может, она и права. Мне на работу надо, а я тут стою, пялюсь на свою голую задницу! Кстати, задница тоже ничего. Конечно, в двадцать лет она была лучше, а сейчас я слишком много сижу, и это уже заметно отразилось на форме мягкого места. Интересно, что бы сказал Олег, если бы увидел меня сейчас?

После этой мысли я рухнула с небес на землю, вдруг стала мерзнуть, поскорее вытерлась, оделась, за минуту нарисовала лицо и вышла из квартиры.

Глава 2

Возле дома поймала частника, доехала до офиса своего рекламного агентства и вошла в кабинет. Все действия я совершала сосредоточенно и точно. Так, как учила себя когда-то давно, когда истекала кровью душа, когда в мире не стало справедливости, когда даже воздух врывался в легкие, принося боль. В те годы я была облита обидой будто кислотой, но надо было жить дальше. И я придумала метод: надо сосредоточиться на том, что ты делаешь, и делать это с полной самоотдачей, будто это самое важное дело в твоей жизни. Неважно, чистишь ли ты зубы, моешь ли полы, составляешь ли бюджет для рекламной кампании или просто идешь по улице. Чисти, мой, составляй, иди – и думай только об этом!

Секретаря Лены еще не было на месте. Когда я принимала ее на работу, лет эдак семь назад, моим основным требованием было присутствие Ленки на рабочем месте с половины девятого до половины седьмого. Потому и зарплата была немного выше, чем у секретарей в других фирмах. Но с каждым днем Ленка появлялась за своим столом в приемной на минутку позже. Нетрудно догадаться, что через полгода нахалка прибывала уже не в половине девятого, а в половине десятого. На мои замечания она реагировала бодрым киванием головы с очередной новомодной стрижкой и заверениями в моментальном исправлении ситуации. В итоге я смирилась. Да...

А между прочим, меня считают стервой!

Впрочем, у Ленки был особый дар: она нравилась мужчинам. Стоило привести разъяренного невыполненным заказом клиента к Ленкиному столу, как мужик начинал таять и говорить совсем в другом тоне. Я пользовалась этим безбожно. У меня противоположный дар: я раздражаю и отталкиваю мужчин. Ни блондинистые локоны, ни сладкие улыбки мне в делах не подмога! Если и удалось чего-то добиться, то только трудом, умением вести переговоры, скрупулезным выполнением данных обещаний и прочими нелегкими методами.

Самой большой неприятностью для меня было появление кого-то, кто недоволен работой моей фирмы, до половины десятого утра. У нас в провинции такое не редкость. Люди встают рано и пытаются прямо с утра испортить настроение парочке незащищенных женщин, особенно, если эти женщины занимают кресло руководителя. Я – всегда одна из таких женщин.

Хотя, если честно, я руковожу рекламным агентством, но не владею им. Агентство «Эврика» создал лет двенадцать назад Игорь Леонидович Садков. Но мой хозяин уже давно живет в Москве. У него там новое дело: он организует выставки в одном крупном выставочном центре. Часто бываю на его выставках, особенно посвященных рекламе и полиграфии. Надо сказать, что дело поставлено на широкую ногу и, видимо, прибыли приносит нешуточные.

Сейчас он строит собственный выставочный комплекс и, кроме того, начал заниматься выставками не коммерческого, а художественного направления. Теперь в его приемной толпятся молодые Мазаччо и все свободное пространство заставлено холстами.

С карьерой мне просто повезло. Не было бы счастья, да несчастье помогло! Сразу после института я маялась в поисках работы. Закончив гуманитарный факультет педагогического вуза, становиться учительницей не хотела. У меня был опыт работы с детьми, не сказать, чтобы печальный, скорее даже положительный, но судьбу свою связывать со школой не хотелось. Я уже была замужем и хотела ребенка, поэтому искала такую работу, чтобы без проблем уйти в декрет в ближайшем будущем. Тогда Карина пристроила меня в рекламное агентство «Эврика». Ее муж, Вагиф, долгие годы проработал вместе с Садковым на Гродинском химическом заводе. Когда на заводе дела пошли плохо и очень плохо, Садков ударился в бизнес, а Вагиф Закарьян остался на прежнем месте, в основном из-за тестя, занимавшего на Гродинском химическом высокий пост.

У меня за плечами были курсы машинописи, и я стала наборщицей. С ребенком не получалось, потом грянул развод, и я ушла с головой в работу. Стала нагло править придуманные рекламщиками тексты, писать свои версии, задерживаться после работы, предлагать свою помощь там, где просят, и там, где не просят, тоже. Игорь Леонидович сказал:

– Ага, проснулась!

И отправил меня на престижные курсы рекламы и PR в Москву. Шеф готовил себе замену. Во мне он увидел дисциплинированную молодую амбициозную акулу. Он слегка не туда смотрел, но как только я поняла, какой он хочет меня видеть, стала тем, чем являюсь и сейчас: порядочной стервой. Тогда-то и прозвали меня «выскочкой», «хамкой», «шалавой директора» и «разведенкой». Так уж я держалась, боясь жалости, – жестко, бескомпромиссно, безапелляционно. Игорь Леонидович был доволен, я подходила под его стиль.

К тому времени Садков уже протоптал дорожку в Москву и ему не терпелось уехать. А я работала, следуя своей методе хорошо делать каждый шаг. Работа днем и ночью – то, что было мне нужно. Приходила в офис на час раньше, ведь теперь мне не нужно было готовить мужу завтрак. Не ходила на обед: теперь не надо было встречать любимого с горячим борщом. Спокойно торчала в офисе до девяти: вечером лучше вообще попозже оставаться одной!

Игорь Леонидович учил меня, но не искусству рекламы.

– Для этого есть рабы, – цинично говаривал плантатор, владелец полей с колосющимися слоганами и угодий, где паслись непуганые и не раскрученные потенциальные клиенты. Они-то и интересовали его неизменно.

Игорь, как он просил называть его в отсутствие подчиненных, учил быть руководителем. Стратегия, планирование, четкое видение цели, распределение прибыли. Держать нос по ветру, смотреть, запоминать, знать, когда откладывать в долгий ящик, а когда держать на поверхности. Работать с людьми, а не с идеями, воспитывать, но не перевоспитывать, искать что-то новое и иметь запасной выход. Много чего еще! Но главное, первое, самое важное: окучивать клиента, поливать его вниманием, удобрять скидками, привлекать комфортом, профессиональными и личными отношениями.

– Ты, – его холеный палец замирал в сантиметре от моего носа. – Ты должна создать атмосферу в офисе. Свою, чтобы запоминалась. Мужики устают общаться на работе с другими мужиками, а у нас есть ты. Выглядишь, скорее, по-домашнему, – шеф не пытался обидеть меня или, наоборот, – залезть под юбку. Он констатировал факт и делал вывод, он хотел получать прибыль от агентства, даже находясь от него за много километров.

– Это – продолжал он, – обманчивое впечатление, иначе бы я не тебя здесь жизни учил, а Мишку. Но имидж уютной женщины – очень удачен: улыбайся, угощай кофейком и плюшками, болтай! Потом – бац! И договорчик ему в зубы.

Я училась, потому, что это было интересно, потому, что мне доверяли важное, очень важное дело, и еще потому, что Игорь умел заставлять людей следовать его курсом. Да и теперь делать мне в жизни было абсолютно нечего.

Сотрудники в агентстве в то время менялись каждый день. Работников в городе было много, а работы – мало. Толпы неприкаянных журналистов слонялись без дела, наборщики, верстальщики, корректоры искали работу хоть на полдня, хоть по договору.

– Уйдет один – придет десять! – цинично комментировал шеф, увидев на своем столе очередное заявление об уходе по собственному желанию.

Мне не хотелось, чтобы он так же сказал и обо мне, и я работала еще фанатичнее.

Но когда села в директорское кресло, то постаралась выловить из моря безработных специалистов лучших, привязать их хорошей зарплатой и, больше того, создать коллектив.

Глава 3

Сегодня, еще находясь под впечатлением сна, я плюхнулась за рабочий стол и ощутила, что в желудке по-прежнему пусто. Ладно, потерплю, пока появится Ленка, и направлю ее на служебное задание: раздобыть провиант для позднего завтрака начальницы.

Только включила компьютер, готовясь к началу рабочего дня, как открылась дверь в мой кабинет. Ощущения ночного видения охватили меня с удесятеренной силой. На пороге стоял Олег Ведищев, мой бывший муж. Он был почти таким же, как во сне, только выглядел немного старше. Хотя, надо признать, Ведищев относился к тому типу людей, которые и в двадцать пять, и в тридцать, и в сорок почти не меняются. Чуть выше среднего роста, широкоплечий, пожалуй, крупный, но поджарый, с густыми русыми волосами. Он всегда немного сутулился, но двигался легко и спортивно. Таким я помнила его, такой он стоял передо мной сейчас.

Пару секунд Олег молчал, думаю, просто сомневался, кто это перед ним, но потом стремительно пересек небольшое пространство от двери до моего стола и сел на стул для посетителей, точно так же, как это было во сне.

Я невольно отпрянула, когда он приблизился к столу. Еще я искала у него в руках коробку с круглыми дырочками.

– Почему вы врываетесь без стука?! – ненатурально возмутилась я, чтобы хоть внешне навязать свою инициативу в разговоре. Мне было очень не по себе.

– Это ты врываешься в мою жизнь! По какому праву? – ответил он вопросом на вопрос. Его голос, от звука которого у меня все-таки побежали мурашки по спине, дрожал от напряжения. Кажется, он пытался не сорваться на крик. Между прочим, за пять лет совместной жизни муж ни разу не накричал на меня. Сейчас я имела все шансы услышать, как он это делает. Но почему?

– Я не видела тебя десять лет! – мой тон тоже был далек от светского.

– А не надо на меня смотреть! Прекрати мне угрожать!

– Угрожать? Ты спятил?

– Ты что дуру корчишь? Кто-то из твоих любовников позвонил мне и сказал: «Это тебе за Аллу!»

– Что «за Аллу»?

– То, что я на деньги влетел. На большие деньги! Слушай, сука! Если ты не прекратишь угрозы, я сверну тебе шею! – он встал со стула и навис над моим столом, приблизив свое гневное лицо к моему. Я даже уловила его родной запах. Это было еще хуже, чем от его слов. – Ты поняла? Если с моим сыном случится хотя бы грипп, ты – труп! Я убью тебя.

Не дожидаясь моей реакции, Олег резко развернулся и вышел, бросив дверь открытой. Я сидела на месте, вжавшись в свое кресло и хватая ртом воздух. Мне было просто очень больно. Сознание отказывалось осмыслить содержание разговора, а вот чувства ясно указывали: я провалилась во временную дыру и попала на десять лет назад. Только что Олег сообщил мне о том, что его любовница беременна.

В открытую дверь заглянула Ленка:

– Кто это был? Почему он орал? Это Сумкин? Мы снова сорвали заказ?

– Это не Сумкин, ты же видела, – я говорила шепотом, сил на нормальную речь не было.

– Но он так орал, что я подумала... Алка, тебе валидол дать?

– Нет, не надо. Это был мой бывший муж. Что-то у него не так, и вроде бы я виновата. Сон в руку, сон в руку...

– А ты виновата?

– Нет. Точно нет. Я не видела его десять лет, и, кроме того, у меня нет никаких любовников.

Я встала из-за стола, подошла к окну, открыла фрамугу и постояла немного, обдуваемая легким сквознячком. Потом подумала, что чего-то не хватает.

– Лен, дай сигарету!

– Ты же не куришь! – удивилась она.

– Не курю. Обычно, – уточнила я. – И свари мне кофе. И, Лен, слышишь? – она уже выскочила в приемную. Я повысила голос: – Найди мне чего-нибудь поесть, а то голова кружится! Не соединяй ни с кем, ладно?! Хотя если позвонит Маловичко из «Алхимика» – соедини. И еще...

– Слушай, ты, барыня, – Ленка возникла в дверях. – У меня не десять рук! Стой тут и кури. Остальное – потом. Поняла? И успокойся, мужья приходят и уходят, а секса хочется всегда.

Я улыбнулась, зябко поеживаясь.

Разговор с Олегом мне приснился. Не может быть такого разговора между нами. Это из другой оперы. Дымя возле окна, я невольно думала о бывшем спутнике жизни. Действительно, за десять лет он мало изменился. Сколько ему теперь? Мне тридцать пять, значит, ему – сорок.

Перед глазами было его лицо, знакомое до боли. Выпуклый чистый лоб говорил об уме, морщинка между бровей – о сомнениях, резкие линии, идущие от крыльев носа к уголкам рта, – о юморе и сарказме, капризная верхняя губа – об амбициях. Серые глаза были глубоко посажены и выражали все чувства, которые он испытывал в данный момент. Я не разучилась читать по его лицу, поэтому с точностью могла констатировать: Олег был в бешенстве. Из-за меня. Не слишком ли много чести для брошенной десять лет назад женщины?

Глава 4

Колька Летягин был вполне доволен собой. В жизни ему повезло всего один лишь раз, остального он добился сам. Повезло ему, когда мама родила Кольку красивым и обаятельным парнем. Было в нем нечто, сводившее с ума противоположный пол с самого детства. Колька принял этот дар судьбы и родителей, осознал его силу и научился извлекать из него прямую выгоду. Для начала он тренировался на матери, бабках и сестрах, выуживая из них игрушки, сладости, разрешение приходить домой позже одиннадцати и прочие мелочи, полезные в жизни ребенка и подростка. Позже занялся сверстниками. Девочки бегали за ним, как за Элвисом Пресли. В четырнадцать он совершил свой первый подвиг – соблазнил соседку из двадцать второй квартиры. Она была старше его лет на десять, и он получил все, что хотел.

Попозже Колька понял, что женщины могут пригодиться не только для секса. Они могут помочь симпатичному пареньку и материально. Нет, он стал не альфонсом, берите выше. Он стал брачным аферистом. Между прочим, это только звучит невинно. На самом деле после Колькиной работы, а это была именно работа, старухи оставались сплошь с разбитыми корытами. «Старухи» – это лишь так говорится. На самом деле российские старухи-пенсионерки не так уж и падки до молодого сочного мужского тела. Настоящими клиентками Летягина обычно были женщины около сорока: дети выросли и не мешаются под ногами, родителей зачастую уже нет, а у дамочек как раз бес в ребро! Неограниченный летягинский контингент обычно состоял в разводе. В России семьи не крепкие, а бабы крутые. И то ли потому, что бабы крутые, – семьи некрепкие, то ли потому, что семьи некрепкие, – бабы крутые. Но какой бы сильной ни была женщина, на скольких бы работах ни пахала и скольких бы детей ни подняла, Колька подход к ней знал. Чуял тем местом, где у нормальных людей располагалось сердце.

Последнее время Колька стал совершенствоваться в своей профессии. Теперь он брался работать и с молодыми девушками. Он больше не боялся вмешательства родителей. Наоборот, богатенький папаша гарантировал хороший гонорар после завершения хорошо проделанной работы. Вот например, последняя операция: Маша, дочь начальника управления по капитальному строительству города Гродина.

В этот паршивый городишко Колька приехал из столицы одного маленького автономного государства на юге, где окучивал горячих южных гордыхек. Поработав, сколько это было безопасно, Колька решил поменять место дислокации и выбрал на этот раз местечко посевнее. К тому же получил он маленькое поручение от большого человека. Выполнить его было нетрудно, а отказаться невозможно. В случае отказа дорога через Кавказский хребет вообще будет закрыта. А тут всего и делов, что найти одного типа и передать ему папочку с документами.

Конечно, Летягин сунул нос в бумажки, но ничегошеньки не понял. Чертежи были сто-процентным хреновым бредом, а формулы, похоже, – химические. Теперь что же, крутые интересуются колбами и пробирками? Бутан-мутан, пропан-папан... Хренотень. Может, наркота? Для наркоты вроде бы слишком сложно. Ничего не поняв, Колька успокоился. Не царское это дело – в химии разбираться!

Документы он передал по назначению. Правда, к самому названному типу не попал, но встретился с его доверенным лицом – серьезным армянином плотного телосложения в очках с золотой оправой. Армянин взял бумаги, заглянул поверх оправы и изменился в лице. Колька понял, что груз доставлен и можно заняться своими делами.

В Гродине Летягин быстренько окопался, прикинувшись мелким, но перспективным предпринимателем, торгующим крупами, привозимыми из окрестных колхозов. Потеря среди молодежи, походил на местные тусовки. И встретил девушку своей мечты. Машенька была прикинутой девочкой, раскованной, но Колька профессионально вычислил, что замуж ей нев-

терпеж. Есть такой тип девушек: у них нет проблем, гуляй – не хочу, но они уже перезрели. Тусовка приедается, хочется поиграть во взрослые проблемы. Колька и предложил Маше такую игру. Ради красивого Николая Маша оставила своего давнего ухажера, милого мальчика Петю, студента юридического факультета Гродинского университета. Петенькина мама не велела сынку жениться в ближайшем будущем, а вот Николай сделал Маше предложение, и она отправила Петю в отставку.

Свадьбу справили знатную. Колька тоже потратил кучу денег: купил невесте обручальное кольцо с маленьким, но чистым бриллиантом, дорогие белые туфли, много всего. Приличные деньги ушли на оплату услуг наемных работников, которым вменялось в обязанность изображать на свадьбе родственников жениха. Не отца и мать, это было бы опасно, вдруг напьются и ляпнут что-нибудь, как в дурном водевиле. Из деревни на свадьбу нагрянули дяди, тети, племянники и племянницы. Вот только друзей он не нанимал, а приглашал ребят, с которыми познакомился за те несколько недель, что прожил в Гродине. В итоге сумма вышла не шутейная. Колька не называл это тратой, он считал это вложением средств в свое дело. И был прав. Полученный куш оправдал расходы и сверху принес немалые прибыли.

Папа подарил на свадьбу Маше, конечно, квартиру. Весьма приличную, в центре города. Обставлять хату пришлось бы Кольке. Но он выкрутился, сказал, что сейчас не хочет покупать мебель. Вот поднакопит денег – тогда. Старшие согласились с зятем: зачем брать барахло, вот будут деньги, возьмете все хорошее.

Молодые прожили полгода душа в душу. Потом случилось несчастье. Однажды вечером молодой муж ввалился домой весь в крови. Он был крепко избит, но печалился не от этого.

– Маша, – сказал он разбитыми губами, – меня прижимают местные.

Он рассказал испуганной жене, а потом и ее родственникам, что плохие ребята взялись за него по-крупному. Они требуют, чтобы Летягин купил у них право торговать на их территории. Это будет стоить... В общем, судили, рядили, но порешили – Машину квартиру надо продать и деньги отдать бандитам. Данное решение подтолкнули горькие слезы Машки, без памяти влюбленной в красавца-мужа, еще три нападения на беззащитного Кольку и жуткие телефонные угрозы.

Теперь Колька Летягин рулил на новенькой «восьмерке» из города и радовался тому, что он такой умный и красивый. В багажнике его тачки лежал кейс с денежками, которые он переведет в безнал, но попозже, когда налюбуется купюрами. Сейчас вот только заедет по одному делу. Встретится с человечком важным, чтобы связи, контакты с настоящими местными у него остались. Мало ли, зачем придется обратиться.

Вчера позвонил ему парень, от человека в очках, которому он отдал бумажки, привезенные из маленького автономного государства, и попросил встретиться. Странное место только выбрал – стоматологическую клинику. По своей воле Летягин сюда ни за что бы не зашел. Деньги Колька взял с собой. Кейс у него в руках выглядел вполне органично: на ладном Колькином торсе красовался двубортный костюм, под ним белая сорочка.

В шикарном холле, возле журнального столика под пальмой, Летягина поджидал тот самый тип, из местных, со своей шмарой. Девка была шикарная, такие Кольке всегда нравились: грудастая, с крепкой задницей и длинными темными волосами. С первого взгляда было видно, что бабенка не большого ума, а это еще приятнее. На отдыхе брачный аферист терпеть не мог обхаживать телок. Товар – деньги – товар. И это правильно!

С мужиком разговор оказался пустячным. То, се, на прощание попросил подвезти его кралю. Колька согласился. Когда вышли из клиники, было совсем темно. Девка, хихикая, влезла на переднее сиденье, узкая юбка задралась, а колени у шмары уже, видимо, сами не сдвигались. Поэтому Кольке не требовалось прилагать усилия для осмотра достопримечательностей спутницы. В игривом настроении доехали до какой-то хибары на окраине, и Оля, как

звали девку, пригласила красавчика зайти на минутку. Колька решил зайти. Волновали его только деньги, но он уже решил, что возьмет их с собой и будет держать ухо востро.

– Сюда, – пропела Оля, ныряя в маленькую калитку.

Колька шагнул за ней. Не успела его левая нога последовать за правой, как в его голове взорвалась граната, осветив яркой вспышкой последние мгновения его бурной жизни.

Глава 5

День был в самом разгаре, у меня в кабинете собрались руководители служб для поздней планерки по поводу пресловутой презентации на химическом заводе. Ситуация, как я и предполагала, осложнялась убийством директора предприятия. Но не заявлять о выпуске нового вида удобрений руководитель службы маркетинга не мог. Прав был коммерческий директор, которого я нагло вызвонила в тот вечер, когда убили Китаева. Траур трауром, а бизнес не ждет. Если сейчас не выпустить новую продукцию на рынок, колхозы закупят к сезону импортное удобрение, а это означает, что затраты на производство в этом году не окупятся, не говоря уже о потере прибыли для завода. Такого администрация допустить не могла, потому что химзавод только-только встал на ноги, еще не слишком крепко.

Ленка все же золотой человек! Никому ни слова не сказала об утренней разборке с Ведищевым и дала мне к тому же целый час отдыха! Я почти пришла в себя, во всяком случае надежно спрятала в самый дальний уголок свои эмоции.

Миша, руководитель творческой службы, как человек опять-таки творческий, пребывал в ступоре, его подразделение било баклуши, а чтобы создать видимость работы, они пытались впарить мне свою концепцию акции.

Заглянув в первый раздел концепции под масштабным заглавием «Цели и задачи», я убедилась, что творцы работать не собираются. Поэтому начала планерку с небольшой речи:

– Миша, твою мать! Ты что мне подсунил? Ты знаешь, лодырь, что я терпеть не могу этой болтологии: «продвижение товара», «создание образа», «триединые задачи», «маркетинговые исследования»! Фигня! А графики, схемы и диаграммы вообще засунь себе куда хочешь!

– Аллочка, – ласково, в пику мне, возразил лентяй, – Аллочка, не кричи, родная! Мы должны научно обосновывать свою работу, разве не так?

Я даже не удивилась его словам. Мишку я знала сто с половиной лет. Это был высокий, черноволосый парень с ехидной худой рожей и желтыми волчьими глазами. Говорил он глуховатым голосом, всегда веско и врастяжечку. Жил с женой. Она была актрисой местного театра и постоянно пилила его за небольшие доходы. Из-за нее Мишка часто подрабатывал на стороне, и я знала об этом. Ругались мы постоянно. Он не очень уважал женщин, а уж женщин-начальниц вообще не выносил. К тому же я с ним не стеснялась в выражениях.

За это он ябедничал на меня шефу!

– Наукой занимаются лентяи. Кроме физиков-ядерщиков. Ты физик, Миша? Нет? Тогда науку свою клиентам на уши вешай! Им пиши «Цели и задачи»! А мне давай конкретные действия в конкретные сроки, твою мать!

– Ты повторяешься, – сумничал Миша. – Ты уже говорила «твою мать»!

Он хотел разозлить меня по-настоящему, чтобы ситуация вышла из-под контроля и можно было потом сплетничать в курилке: «Она сама не знает, чего хочет! Все бабы дуры». Ну нет, ни хрена не выйдет!

– Значит, так, Мишель! Ты пишешь мне конкретный план мероприятий, я это в третий раз говорю, чтобы ты запомнил. Зоя распишет презентацию по минутам, Лера возьмет прайсы у отдела рекламы в СМИ и составит бюджет кампании. Полностью, в двух вариантах: для клиента, сам знаешь, какой, и для нас, для меня, с налогами, зарплатой для работников по трудовым договорам и студентов. Вы привлекаете студентов?

– А это важно? – у Миши совсем испортилось настроение.

– Еще как важно! Наберете красивых девочек, разносить листовки и напитки. Иди отсюда, работай. Вечером, в восемнадцать ноль-ноль жду весь отдел с отчетами. Если мне не понравится, будете сидеть здесь всю ночь. – И добавила, когда он закрывал за собой дверь: – Твою мать!

Послышались сдержанные смешки.

– Кто следующий? – спросила я.

Команда замялась.

Планерка закончилась только в три часа дня. Народ оголодал и направлялся к выходу из моего кабинета, уже обсуждая обеденные перспективы. Потом завертелись другие дела, потом наступил вечер и появился мрачный Миша со своими девочками и требуемыми конкретными планами. Обсуждение презентации длилось до девяти. Мы ругались до изнеможения три часа подряд, но все же нашли несколько удачных решений. Заметив, что творцы все чаще поглядывают на запястья, я решила сделать перерыв до утра. Ну вот, опять будут говорить: «Ей хорошо, у нее нет детей, куда ей спешить? А вот у нас...» Все так. Детей у меня нет.

К вечеру я очень устала. И не от работы. Уходить из офиса в ночь было для меня обычным делом. Я устала держать себя в руках. Мне было все же очень нехорошо после утреннего визита Олега.

Заходить в свою пустую квартиру, что нырять в бассейн с прохладной освежающей водой. Я привыкла к одиночеству, научилась ценить его молчание, его надежность, верность, откровенность. Одиночество – лакмусовая бумажка характера. Если ты выдержишь вечер сама с собой наедине, то ты есть, ты существуешь. Ты не распадешься на атомы, не растаешь в тумане, не взорвешься – и выживешь. А если ты выдержишь каждый одинокий вечер в течение десяти лет? Может, ты одеревенела? Может, и не жива уже много лет? Ну не жива, так не жива. Это даже к лучшему. Что было бы со мной после такого разговора с бывшим мужем, если бы я до сих пор была как в двадцать пять лет, когда атомная бомба развода упала мне прямо на голову? Наверное, сердечный приступ! А будучи деревянной, я вот хожу, говорю и так далее и тому подобное.

Даже есть хочу, как ни странно. В холодильнике было пусто, почти пусто. С утра остались сыр, колбаса, масло, пачка мюсли, молоко. Все это было не то. Хотелось маленького гастрономического праздника, и я направилась в круглосуточный магазин.

Ужин накрыла в кухне, но со свечами, налила бокал вина, включила телевизор. Потом пошла спать, не потрудившись убрать и вымыть посуду. Еще одно преимущество одиночества. Олег не выносил грязной посуды в раковине, а тем более на столе. Он любил порядок, чистые полы, выбитые ковры, выстиранные занавески, наглаженные рубашки. Мне тоже все это нравилось. Домашнюю работу мы делили пополам: я – готовила, стирала, гладила белье, он – мыл полы, выносил мусор, таскал из магазинов тяжеленные сумки с продуктами. Мы оба любили поесть, и поэтому я научилась хорошо готовить. Котлетки, рыба, пироги, пирожки, слоеное тесто, дрожжевое, блинчики, оладушки, варенички с картошкой, творогом, мясом, грибами, красные и зеленые борщи, чинахи, солянки... Неужели я все это делала? Когда же успевала?

Моя бывшая свекровь, Ольга Павловна, обожала заскочить к нам на обед. Вспомнив свекровь, я улыбнулась. Она была милой женщиной, теплой, тактичной, возможно, даже мудрой. Меня приняла сразу, и мы успели по-настоящему подружиться за пять лет нашего с Олегом брака. После развода только Ольга Павловна и Карина приходили ко мне. Бывшая свекровь не бросила меня, она стала мне ближе матери. Видела, что со мной творится, понимала, почему я живу на работе, почему перекрасила волосы в белый цвет, почему не плачу, почему перестала смеяться, как раньше.

Тогда Ольга Павловна начала кормить меня блинчиками, зная, что сама себе готовить я не буду. В то время мне пришлось жить в общежитии. У Олега была своя трехкомнатная квартира, но, зная, что скоро родится ребенок, он отказался разменивать ее ради меня. Идти было некуда. Только возвращаться к матери, в деревню, но меня и там не ждали. Старший из двух моих братьев недавно женился и ждал пополнения в семействе. Кругом ожидалась дети, ради этих детей мне пришлось отказаться и от мужа, и от родительского дома. Только у меня не было ребенка, и поэтому муж бросил меня.

Это Ольга Павловна пришла ко мне через семь месяцев после развода и рассказала о рождении Кирилла. О том, что Олег просто рехнулся на своем сыне, встает к нему по ночам, стирает пеленки, носит все время на руках...

– Только грудью не кормит! – ехидно резюмировала Ольга Павловна. И с добродушной бестактностью добавила: – Как жаль, что не ты родила Кирилла.

На новую невестку она жаловалась, считая Юлию нагловатой и самоуверенной. Ольга Павловна терпеть не могла, когда ей делают замечания, а Юлия любила выглядеть умной за счет других.

– Она заявила ко мне в гости, – жаловалась мама Олега, – и обхаяла мой фирменный пирог. Сказала, что у ее подружки слой безе толще! Вот же хамка! Олег не сможет с ней жить. Он вернется к тебе, вот посмотришь!

Я считала, что Ольга Павловна просто хочет меня ободрить. И правда, годы шли, а Олег не появлялся в моей жизни. И у него был обожаемый сын.

Но свекровь пыталась поддержать меня не только на словах. Когда я уходила от мужа, я собиралась снимать жилье, хотя в этом случае на свою зарплату просто бы голодала. Тогда Ольга Павловна продала свою квартиру – две комнаты в старом фонде – и купила себе однокомнатную, а мне комнатку в общежитии химического завода. Я не знала о продаже ее квартиры, думала, просто Олег занял деньги, чтобы обустроить меня и сохранить себе жилплощадь. Свекровь в своей жилищной афере так и не призналась. До самой своей смерти. Мне удалось попрощаться с ней, вытянувшейся в гробу, с восковым лицом и холодными руками, не встретившись с Олегом и его новой семьей.

И это она дала четкое и емкое определение моей болезни:

– У тебя комплекс изгнания из рая, – сказала она однажды.

– Бывает такое? – спросила я.

– У тебя – есть.

Потом мне очень повезло и моя карьера поползла вверх. Я взяла ссуду в банке, продала комнатку в общежитии и купила маленькую квартирку на выселках. С банком приходилось расплачиваться до сих пор. Поэтому моя квартирка и выглядела как бомжатник чистой воды. В комнате уже шесть лет стоял продавленный диван, который мне отдала «на первое время» Карина, шифоньер для одежды и телевизор на полу. Ничто не оживляло интерьер. Не было даже ковровой дорожки перед диваном, на стенах не висело ни картинки. Дизайном я не увлекалась. Из-за отсутствия мебели и моей привычки мыть полы в рамках мероприятий трудотерапии комната выглядела нежилой.

В прихожей висела довольно большая вешалка, на которой и помещалась вся моя верхняя одежда. Обувь я прятала в маленькую тумбочку, которую тоже подарила Карина. Остальное барахло кое-как влезало в упомянутый шифоньер. Ну, пнешь его пару раз, оно и поместится!

На кухне пейзаж был еще кошмарнее. Я не потрудилась даже повесить занавески на окно. Ну и пусть меня видят! Голая не хожу. Утреннее самолюбование не в счет, потому что обычно так не делаю.

Из посуды у меня были только одна небольшая кастрюлька и одна сковородка. Зато имелись две турки для кофе, который я пила из треснувшей кружки. Еще я была счастливой обладательницей двух тарелок и набора стаканов, подаренных сотрудниками на прошлый день рождения. Все свои богатства я развесила по стенам на гвоздики, кроме стаканов, конечно. На кухне у меня тоже не было мебели. Только плита, раковина и стол. И две табуретки.

Все, что я имела ценного, размещалось в ванной. Это была дорогущая стиральная машина и невероятное количество средств для ухода за своей божественной красотой. У меня на каждую часть тела были свои скрабы, пенки, косметические сливки, кремы, гели и маски: пенка для левой пятки, скраб для правого уха и так далее и тому подобное. К тому же это все стоило диких денег. Да и удовольствие приносило немалое. Было что-то эксцентрическое в

многочасовом и регулярном уходе за телом, которое никто никогда не увидит. В выходные дни я обязательно час отмокала в ванне с антистрессовой смесью трав, морской солью и ароматическими добавками. Потом массировала тело антицеллюлитными скрабами, наносила маски на лицо, бюст и шею, натирала тело косметическими маслами. И это кроме маникюра, педикюра и эпиляции. Волосы на лобке я стригла и выбривала, придавая им форму усиков Гитлера. А прическа? Маски для волос, стрижка, укладка? Я просто рехнулась на всем этом. У меня ниже талии, на крестце, даже была татуировка – маленькая черная летучая мышка!

Иногда, глядя на себя, я думала, что никогда не видела более ухоженной женщины. Все надеялась на перемену судьбы? На возвращение Олега?

А вот обустриваться мне совсем не хотелось. Раньше я любила красивую посуду и комфорт, а сейчас все было неважно. Хотелось только покоя. Да и денег из-за выплаты кредита было маловато! Если оставались хоть какие-то суммы, я покупала себе одежду, косметику, дорогую обувь, сумки, бижутерию. Камуфляж, конечно. То, что увидят люди. Забавно, но под модными джинсами у меня были надеты хлопчатобумажные трусики, иногда даже заштопанные. А кто увидит? Карина просто в обморок падала, когда видела мое белье, сушившееся на змеевике в ванной.

– Ну а если ты встретишь мужчину, приведешь его сюда, разденешься? Что он увидит? – возмущалась она. – Ну ладно, про квартиру соврешь, скажешь, что это ты на время сняла, а про трусы что скажешь? У своей бабушки взяла поносить?

– Кара, я не знакомлюсь с мужчинами, ты что, не знаешь этого? – возразила я, посмеиваясь над «бабушкиными трусами».

– Аллочка, рано или поздно придется! Тебе уже тридцать пять! Замуж пора.

– Помирать пора, а не замуж! – ответила я оптимистично. Как многие женщины, перешагнувшие порог тридцатилетия без опоры на мужское плечо, я стала привыкать быть одна. Независимость, образ жизни, удобный мне и только мне, – все это не так уж плохо. Нет, серьезно!

Конечно, иногда в моей жизни возникали кавалеры, но они обычно долго возле меня не держались и до постели дело не доходило. У меня была одна тайная мысль, объяснявшая, почему противоположный пол сторонился меня. Думаю, что у меня голодные глаза. Голодные до любви, мужского внимания, романтики, долгих бесед при луне. Любой мужчина, позарившийся на блондиночку, разглядев выражение моих глаз, задумывался: а надо ли ему все это?

Глава 6

На следующее утро мое настроение совсем не улучшилось. Сны, правда, больше не снились. И на том спасибо. Я немного успокаивала себя мыслью, что Олег просто спятил и разбираться в причинах его поведения нет смысла. Если он придет еще раз, я вызову охранника.

А пока надо было заниматься делами. Я вызвала по местной связи Сашу Зотова из отдела маркетинга. Маркетолог вошел в мой кабинет позевывая и немного спотыкаясь. Все ясно: он мучается от последствий вчерашней вечеринки. Я уже намекала ему, что на работу надо приходить со свежей головой, но Саша, сложив толстые губы бантиком, сделал вид, что не понял. Сейчас он бережно усадил свою стокилограммовую тушу в кресло, стоявшее у окна, видимо, надеясь скрыть аромат перегара.

– Саша, – строго сказала я. – Это никуда не годится!

– Что? – спросил он с видом оскорбленной невинности, прекрасно понимая, о чем идет речь.

– Саша, если ты еще раз заявишься на работу в таком виде – я тебя уволю. Я серьезно.

– Обычный вид, – продолжал валять дурака толстяк. – Всю ночь работал, за компом сидел, а вы пристаёте, ругаетесь, угрожаете.

– Какая несправедливость! – рассмеялась я. – Ладно, ты все слышал. Теперь о деле. Возьми у Ленки базу данных по клиентам и прошерсти их. Я хочу знать, кто у нас отсекся и по какой причине. За пять лет. Ясно?

– Вообще-то это не входит в мои обязанности... – начал было Сашка, но, встретив мой свирепый взгляд, которым я обычно убиваю кроликов, примолк. – База данных, ага, так-так. К вечеру будет готова. Кстати, новую версию программы «Клиент» попробую. Я пошел!

Глядя Сашке вслед, я раздумывала над тем, почему же у меня, в «Эврике», все такие вредные?

Клиентская база нашего агентства была составлена еще моим шефом и только дополнялась мной, да и то не на заявленном уровне. У Игоря Леонидовича в картотеке информация была представлена подробнейшая – фирма, адрес, телефоны, электронная почта, ИНН, директор, бывший директор, предположения, а иногда и точные сведения, на какие денежки открыта, кто «крыша», как зовут жену шефа и сколько у него детей. Вот так! Игорь Леонидович учил меня, что агентству нужна информация, связи, знакомства, отношения. У нас даже был на трудовом договоре один человек, очень ловкая и колоритная личность. Его обязанностью было добывать разные сведения особого свойства. Вот приносимые им данные и были золотом клиентской базы.

Гордость картотеки – файл с информацией по Гродинскому химическому заводу. В народе завод называли просто «химия». Так вот, по «химии» было здесь просто все. До конца все файлы я даже не прочитала.

Игорь ведь по образованию химик, учился в Москве, попал в Гродин по распределению. Дослужился до какой-то там должности и толкал науку, изобретая новые удобрения и что-то еще крайне важное для сельского хозяйства. Но, кроме всего этого, у шефа была неординарная административная жилка. Поэтому, когда завод остановился, перестал работать и Игоря отправили в отпуск без содержания на неопределенный срок, он понюхал ветер перемен и организовал рекламное агентство. Сначала обслуживал торговцев апельсинами на рынке – изобретал симпатичные ценники и делал дешевые визитки для особо крутых апельсинщиков. Дальше – больше, появились клиенты среди коммерческих вузов, фирм, торгующих модными тогда поддержанными иномарками владельцев оптовых баз. Первая серьезная прибыль была заработана «Эврикой» на предвыборной кампании в местную Думу.

Готовясь к пресловутой презентации, я наконец-то внимательно прочитала все, что относилось к «химии». Меня интересовали партнеры, заказчики завода – кто, что, откуда. Просто для того, чтобы внести коррективы в презентацию, если понадобится.

Вообще же в картотеке о «химии» было много интересного. Например, я и не знала, что Гродинский химический завод относился к оборонной промышленности. Точнее, не сам завод, а один его «отдел». Там производилось нечто, что контролировал военный представитель, да еще в чине полковника. Полковник Ведищев Г.С. Боже, да это же отец Олега! Ольга Павловна рассказывала, что ее в Гродин привез муж, Георгий. Он был военным, и я думала, что он служил в гродинской части. Кстати, Георгий Сергеевич умер от отравления. Его привезли в больницу с работы, и через два часа он умер. Ольга Павловна как-то рассказывала, что его хоронили в закрытом гробу, потому что лицо отекло и было покрыто ужасными волдырями. Что же они там такое сотворили для оборонной промышленности? Впрочем, что сотворили – то сотворили, теперь это дела давно минувших дней! Почти сразу после смерти Георгия Сергеевича оборонный цех был закрыт, оборудование законсервировано, военных представителей больше не присылали.

Что за напасть, опять Олега вспомнила!

Во второй раз он ворвался в мой кабинет около четырех часов дня. Я была одна и работала над договором с типографией, когда Олег подлетел к моему столу. На этот раз Ведищев не стал садиться, а обошел стол и схватил меня за волосы. Между прочим, многие мои знакомые считали Олега Ведищева неприятным человеком, но я и не предполагала, что он может быть настолько неприятен.

– Поехали, – зашипел он, вытаскивая меня с рабочего места. – Вези меня к нему!

– К кому? – мне было очень больно и страшно, руки, колени и нос покрылись изморозью.

– К своему сообщнику. Где вы прячете Кирышку?

Я уже собралась было заорать, но он выпустил мои волосы, достал из кармана маленький черный пистолет и приставил его к моему носу.

– Только вякни, застрелю!

Я смотрела в его бешеные глаза и понимала, что это не сумасшествие и не наркотики. Он действительно думает, что я и мой эфемерный любовник похитили его сына. Он уверен в этом и плевать хотел на мои слова. Сопротивляться бесполезно, может, стрелять Олег и не будет, но сделает еще больше. А вообще-то чего я испугалась? Ну не убьет же он меня, в самом деле! А если и убьет, то что изменится в масштабах вселенной? Дети точно сиротами не останутся. Эта мысль, как ни странно, принесла мне облегчение и частично успокоила. Так вот к чему приснилась дурацкая коробочка, в которой был сын бывшего мужа. Его похитили!

– Хорошо, – сказала я. – Пошли! Только убери пистолет, люди же везде!

– Заткнись, – ответил Олег.

Через коридор, рекреацию и по лестнице мы шли почти в обнимку. Дуло пистолета, который Олег держал в кармане куртки, упиралось мне в бок. Я старалась выглядеть как обычно, но у похитителя было такое отчаянное, искаженное лицо, что нам вслед оглядывались. По дороге мы встретили Мишку, и он просто застыл, провожая нас взглядом, полным недоумения.

На улице Ведищев подвел меня к белой иномарке, кажется, это был «Вольво», но не уверена. Втолкнул меня на место водителя, хлопнул дверцей, обежал вокруг машины и сел рядом.

– Зачем ты посадил меня сюда?

– Давай, поехали, – ответил он, чуть запыхавшись, – гони на место!

– Я не умею водить машину.

– Кто же тебя возит? Личный шофер? Может, он же тебя и трахает?

Столько злобы к чужому человеку? За что же он так?

– Меня возит троллейбус. И никто не трахает. И измени тон, пожалуйста! Я ни в чем перед тобой не виновата.

Он помолчал немного, видимо, соображая, что со мной делать. Я сидела опустив голову и ждала решения своей судьбы, холодные руки дрожали. Наконец он заговорил:

– Поехали к тебе домой! Там будем разбираться. Сегодня Кирюшка пропал, а час назад позвонили мне на мобильник и сообщили, что он в безопасном месте. Где – ты знаешь.

– Я знаю? – Боже, ну почему это все происходит? Кто же взялся меня подставлять? И почему меня?

– Да, ты, – он впервые посмотрел на меня без злобы. – Ты действительно не в курсе?

– Второй день твержу об этом.

– Все равно поехали к тебе. Хочу посмотреть.

Я вспомнила это его «хочу посмотреть». Так он всегда говорил, если хотел найти оправдание бессмысленному действию. «Зачем ты идешь в магазин, у нас же все есть?» – «Хочу посмотреть!» или «Переключи этот глупый фильм!» – «Нет, хочу посмотреть!» Вот и сейчас, сам понимает, что я тут ни при чем, но не признает этого.

– У меня нет ключей. Ты же не позволил мне взять сумку.

Он подумал и выдал алгоритм:

– Позвони с мобильного своей секретарше, попроси принести сумку. Когда она подойдет, возьми через окно, из машины не выходи.

Я в точности выполнила его инструкции, а когда Ленка, удивленная ситуацией и отсутствием каких-либо комментариев с моей стороны, вернулась в здание, Олег велел мне помянуться с ним местами. Через двадцать минут мы были у меня дома.

Вот уж не ожидала, что Олег когда-нибудь переступит порог этой квартиры. Похоже, гнев больше не душил дантиста. Он вошел в прихожую, не разуная прошел по коридору, заглянул в комнату, на кухню, в ванную. По его лицу пробегали тени, он искал следы моих черных дел и не находил их. После осмотра спросил:

– Это что, твоя квартира? Ты вот так живешь?

– Да.

Я не знала, что мне делать, но старалась держаться уверенно. Разулась, прошла в комнату и села на диван. Олег наконец убедился, что младенцев я не ем, снял ботинки и вошел за мной.

– Слушай, я думал, ты лучше живешь! – протянул он разочарованно. Надо отметить, что сам Олег очень стремился к комфорту. Удобный дом с красивой мебелью, свежий ремонт – все это было важно для него. А в моей квартире потолки не белились уже лет пятнадцать. Лень было затеваться.

– Я хорошо живу.

– Ну хоть бы нору в порядок привела! – он выглянул на балкон, где, что называется, конь не валялся. – Слушай, у тебя же стекло в двери разбито! Денег, что ли, нет?

– Слушай, – в тон ему ответила я, чувствуя, как нарастает раздражение. – У тебя вроде бы сын пропал, а ты тут мои деньги считаешь!

Лицо Олега сразу изменилось. Он нахмурился, глаза погасли. Послonyaвшись еще по комнате, он сел рядом со мной на диван, недовольно крякнувший под весом непривычного мужского тела.

– Что теперь делать будешь? – возник у меня вопрос.

Он достал сигарету, закурил, но на вопрос не ответил. Я рассматривала его седой висок. Мы вдвоем, в пустой квартире. У него украли сына, а мне даже потерять нечего.

– Пойдем кофе выпьем, что ли, – предложила я, чтобы как-то разрядить ситуацию и согреться.

Глава 7

Кофе у меня всегда высший сорт. Я большая его поклонница и умею варить кофе по крайней мере десятью способами. Олег одобрительно понюхал парок, вившийся над поданной чашкой, и с удовольствием отхлебнул.

– Класс, – сказал он и снова помрачнел.

– Расскажи мне все, – попросила я. – Ты должен это сделать, ведь я тоже оказалась замешана.

Ведищев искоса глянул на меня, выражение его настороженных глаз говорило: «А можно ли тебе доверять?» И это я помнила из прошлой жизни. Повторять просьбу бессмысленно, он ничего не скажет, если сам не решит.

– Алла, – Олег впервые произнес мое имя, – поклянись памятью моей мамы, что ты ничего не желала и не делала плохого моему сыну. Поклянись, что ты тут ни при чем.

– Клянусь. Памятью твоей мамы, которая сделала для меня намного больше хорошего, чем ты. Во всяком случае, она бы мне доверяла.

– Ладно, – он глубоко вздохнул, подумал немного и стал рассказывать: – У меня неприятности. Большие неприятности. Я влетел на деньги. Хотел переоборудовать клинику. У меня своя клиника, ты знаешь? Так вот, я решил закупить очень дорогое оборудование для зубо-врачебных кабинетов. Нашел в Москве поставщиков. Да, вспомнил, это Юлия их нашла. Она ездила в Москву, к подруге и познакомилась там с директрисой фирмы, которая поставляет медицинскую технику. Я сам съездил туда, выбрал, что мне надо, заключил договор. Деньги мне один коммерческий банк обещал. Я директору банка уже три года зубы лечу. Лечил то есть. А, кстати, это он и сказал тогда, что можно кредит получить. Вроде сам предложил. Потом этот банк оформил беспроцентный кредит, и я перечислил деньги в фирму. Они немного задерживались по дороге. Должны были идти три дня, а их на пятый день не было. Тем не менее оборудование из Москвы отправили. Проходит неделя. Эта дама, директриса, мне звонит и говорит: «Олег Георгиевич, а где же деньги?» Я отправляю по факсу платежку и интересуюсь, когда же придет оборудование? Она говорит, что поезд прибывает в Гродин завтра. Завтра я ничего не получаю и по сей день – ничего. Зато каждый день меня дергают по поводу денег. Я звонил в банк, выяснял. Но там мне сказали, что по их документам выходит, что я взял деньги наликком. В Москву я их не перечислял, платежка была липовая. Директор моего банка, Бесстужев Иннокентий Лаврентьевич, снят с должности и отбыл в неизвестном направлении. Так что я теперь должен вдвойне – и фирме и банку!

– А оборудование ты не получил? – уточнила я.

– Ты не слушала меня? Не получил.

– Так это сговор, иди в милицию!

– Не могу, боюсь за Кирилла! – Олег схватился за голову, будто она резко заболела. – Я тут кофе пью, а он неизвестно где, неизвестно с кем!

Его голос срывался от боли. Я вспомнила эту его недолгую слабость, минутную панику сильного и смелого человека, хорошо представляющего себе реальную опасность. Мне стало его так жалко, что на глаза навернулись слезы. Как-то не думая, я подскочила с места и бросилась к нему. В порыве сочувствия, забыв всякий стыд, обняла его родную голову и прижала к своей груди. Он вздохнул как наплаканный ребенок и обхватил меня за талию. Я закрыла глаза. Сострадание уступило в моей душе место непрошеному наслаждению от прикосновения этих незабываемых рук. Мое деревянное тело бессовестно возбуждалось и требовало свое. Не такое оно и деревянное оказалось. Пауза затягивалась, Олег не выпускал меня, и критическая масса непрошенных эмоций накапливалась. У меня снова дрожали и холодели руки, я боялась,

что он сейчас это заметит. Когда стало совсем невозможно терпеть, резко отпрянула, вырвалась из теплого плена его объятий и отошла к окну.

Тут, очень кстати, зазвонил телефон. Я сняла трубку. Звонил Мишка. Вообще-то обычно он не звонил мне домой, не было такой традиции. В крайний случай – на мобильник.

– Алка, привет, это Михаил, – сказал он в своей обычной манере. – Ты чего дома?

Подчиняясь внезапно возникшему желанию поменьше откровенничать, пока ситуация не разрешилась, я ответила:

– Я заболела.

– Что случилось? – спросил он.

– Понос, – ответила я, не подумав, что говорю с посторонним мужчиной. – И сейчас мне надо в туалет!

– Ладно, ладно, иди. Только хотел спросить, с кем ты из офиса уходила?

– Зачем тебе? – моя настороженность усилилась.

– Просто у него был такой вид, будто он собирается убить тебя, расчленить и развести куски тела в разные части города!

– Ну что-то вроде этого, – начала врать я. – Понимаешь, это парень из «Круиза». Мы их прокинули, помнишь? Разместили наружную рекламу не там, где они просили. А это их директор, приехал разбираться. Орал жутко и повез меня на место преступления – туда, где их щит висит. Это из-за него у меня желудок расстроился. На нервной почве. Ой, не могу говорить, пока!

Я бросила трубку и повернулась к Олегу. Зря мы обнимались, теперь на душе скребут кошки. И даже не кошки, а львы раздирают мощными лапами с кривыми острыми когтями мое бедное сердце. Теперь я ясно видела, чувствовала, как открылся ящик Пандоры и из него полезли на божий свет полузадушенные мной маленькие монстры: обида с сотней завистливых к чужому счастью глаз, гнев, потрясающий бессильными ручонками, моя скрытая неполноценность, вся в уродливых язвах и гнойных струпьях. Следом за ними появилась и окровавленная фея по имени Любовь, все, к чему она прикасалась, начинало светиться неземным светом и цвести экзотическими цветами, а она сама шагу не могла ступить без обжигающей боли и слез.

Мой мужчина (неважно, что он женат на другой, я все равно принадлежала только ему!) сидел, опершись на стол, и держал в руках открытый бумажник. Там, в прозрачном карманчике находилось фото, на которое он неотрывно смотрел. Я подошла поближе.

– Это Кирилл, – сказал Олег и протянул мне бумажник. Я взяла его, но, взглянув на карточку, чуть не отшвырнула ее от себя.

На фотографии был не только Кирилл, но и его мама. Я никогда не видела Юлию, поэтому, когда первый порыв прошел, стала рассматривать ее с грязноватой жадностью. На снимке широко улыбалась, показывая идеально ровные зубы, привлекательная молодая черноглазая шатенка. Она горделиво демонстрировала в камеру свое чадо: крупного мальчика лет восьми. Наверное, фото было сделано пару лет назад, и с тех пор счастливый муж и отец носил его с собой. Сын Олега был невероятно на него похож. Те же глубоко посаженные серые глаза, нос с горбинкой, капризная верхняя губка. Я отдала бывшему мужу его сокровище.

– Ты не должен сейчас быть с женой? – спросила я.

– Она у матери. Всегда, когда трудно, она у матери.

– Поезжай к ее матери! Вы должны поддерживать друг друга, – так звучала фраза в каком-то американском боевике с похищением детей.

– Нет, я не выношу мамашу жены. Конченная истеричка. Мечется, заламывает руки, будто больше всех страдает. Все должны носиться с ней, как с писаной торбой! К тому же меня во всем и обвиняют. Дескать, вот, говорили тебе: не лезь в бизнес, добром не кончится! Не поеду туда. Можно я останусь у тебя? Если что, похитители позвонят мне на мобильный.

– У меня нет места для гостей. Иди домой.

Он поднял на меня тоскующие глаза:

– Алка, прошу. Ради мамы.

– Хватит меня шантажировать мамой! У тебя есть семья – вот и отправляйся в семью.

Я уже хотела только, чтобы он ушел. Мне надо было остаться одной, поплакать, успокоиться, может, выпить вина или принять снотворное. Или все сразу. Нет, я не спешила на свои похороны, просто хотела забыться ненадолго. Мои монстры разошлись вовсю, и их надо было умирять, иначе труд десяти лет пойдет коту под хвост.

– Уходи, – попросила я. – Мне завтра рано вставать.

Он поднялся, убрал бумажник в карман куртки и направился к выходу. Глядя ему вслед, моя любовь стонала, но я-то сильная женщина, я и не такое выдержу!

У двери он оглянулся:

– Прости, что утром был таким грубым. И обозвал тебя! Прости, ладно? И за волосы схватил! Извини меня, – наконец созрел он. Помялся с секунду и спросил: – А у тебя нет каких-нибудь знакомых, которые сдавали бы квартиру на ночь? – его тон был безнадежным, но такие знакомые у меня были.

Через три минуты я набирала номер Карины. Она была дома и сняла трубку.

– Кара, ваша двухкомнатная еще свободна?

У них была своя, просторная, четырехкомнатная, в центре, но пустующую двушку, оставшуюся в наследство от бабушки Вагифа, они сдавали. Недавно последние жильцы съехали, и Карина просила меня помочь ей найти новых квартирантов.

– Аллуся, у тебя провал в памяти? Ты же вчера еще ключ взяла! – ответила подруга.

– Я не брала! Ты что-то путаешь!

– Ленка твоя позвонила вчера и сказала, что тебе нужна квартира для брата. Он не приехал?

– И не собирался! – Что же все-таки происходит?

– Ну, Вагиф ехал в город и завез тебе ключ на работу.

– Он мне лично его отдал?

– Ты что, пьяная была? Нет, у тебя было совещание, крик стоял жуткий, Вагиф испугался, что и ему достанется, и оставил ключ у Ленки. А что? – спохватилась Кара. – Кто же теперь в квартире? Воры? Но там и брать нечего!

– Карина, успокойся. Похоже, у меня неприятности. – Тут мой взгляд встретился со взглядом Олега. Он смотрел на меня широко открытыми, полными недоумения, подозрения и, как ни странно, надежды глазами.

– Что? – прошептал он. Я отрицательно помотала головой, продолжая говорить с растерявшейся Кариной.

– Кара, не звони туда, не ходи, не высывайся! Ни в коем случае не звони в милицию. Все очень серьезно. На кону жизнь ребенка.

– Какого ребенка?

– Прости, потом объясню. Вагифу ничего не говори, а то у него поднимется давление. Все, пока.

Я положила трубку. Побледневший Олег ждал моих объяснений.

Когда я все рассказала, он заторопился:

– Поедем туда, скорее, Кирилл там!

Я была с ним согласна. Сейчас все и выясним! И кто меня в это дело втянул – тоже. Но сначала надо было выяснить, для кого просила ключ от квартиры Ленка. Я посмотрела на часы: было без десяти семь, я ушла рано, значит, Ленка давно дома.

Секретарша и впрямь сразу сняла трубку. Она рассказала, что вчера, после утренней разборки, из моего кабинета вышел Мишка и передал ей мою просьбу: позвонить Карине и попросить у нее ключ от свободной квартиры. Лена знала номер Карины, была с ней знакома,

поэтому сразу же выполнила просьбу. Вагиф привез ключ под вечер и оставил у той же Ленки. Мишка выходил из кабинета на минуту за какой-то бумажкой и взял ключ, чтобы передать его мне. Выдав всю информацию, Ленка взялась за допрос:

– А что, ключ не надо было ему давать? А что, Мишка не отдал его тебе? А что...

Я выкрутилась, как могла, сказав, что Мишка перепутал и дал мне ключ от своей квартиры. Может, звучало это и нелогично, но зато дало мне повод закончить разговор. Ленка еще долго будет думать, что же здесь не так.

Глава 8

Олег попросил еще кофе.

– А кстати, – наконец-то задала я правильный вопрос, – кто тебя шантажирует? Московская фирма или банк?

– Московская фирма. Позвонил парень, сказал, что он – «крыша» этой фирмы, «Сервис-плюс», и велел денежки выкладывать. А банку-то что! Документики у них в наличии, придут судебные исполнители и все опишут: клинику, квартиру.

– А ты бандитам деньги приготовил?

Он кивнул.

– Большая сумма?

– Никогда раньше столько сразу не видел. Да еще и наליком.

– Продал квартиру? – заинтересовалась я, профессионально отслеживая судьбу денег.

– Нет, занял один парень. Мой клиент. Оказывается, он деньги в долг дает под процент.

– Как отдавать будешь?

Олег пожал плечами.

– Еще не думал. Конечно, сразу такую сумму мне неоткуда взять. Только частями. У меня почти нет свободных денег. Сберегательные книжки, пачки баксов – это не у меня. Мои деньги в клинике. Но если ее продать, то и долг отдать не хватит, и заработать будет негде, и жить семье не на что.

– А ты этому парню, что деньги занимает, все рассказал?

Он сделал большие глаза.

– Нет, что ты! Это случайно получилось. Он пришел ко мне на прием, после того как похитители позвонили, и спросил, может, я знаю кого, кому нужны деньги.

– Прямо сам предложил? И такая сумма у него сразу нашлась? Тебе не странно это?

Он задумался.

– Да, может, и странно. Я об этом не думал. И об этом тоже не думал. Знаешь, как Кирюху похитили, я не в себе.

– Когда деньги бандитам отдавать надо?

– Завтра. Они позвонят.

– Где деньги?

– В машине.

Я просто обалдела:

– В машине, на улице? Ты бросил их без присмотра?

Ведищев забеспокоился, будто я сказала что-то, чего он не знал.

– Пойдем скорее. Я же на минутку зашел!

Машина, слава богу, спокойно стояла у подъезда. Я объяснила Олегу, куда ехать, и мы вырулили на дорогу. Каринина квартира располагалась в прямо противоположном конце города. Ехать туда минут тридцать.

Ранний осенний вечер опустился на Гродин, в окна домов зажглись огни. В такие вечера очень уютно дома, с родными. Присутствие Олега, сосредоточившегося на дороге и своих нелегких мыслях, вызывало невольные воспоминания из разряда давно и прочно забытых. Но вот не забытых, как оказалось!

Пятнадцать лет назад я встретила своего, как говорят в голливудских фильмах, будущего бывшего мужа. Прекрасное определение! Точное, емкое, грамотное.

Зима в тот год выдалась прямо-таки свирепая! Гродин вообще-то считается южным городом, но в тот январь казалось, что мы живем где-нибудь в Сибири. Днем столбик термометра едва поднимался до тридцати градусов мороза, а ночью ленился осилить и тридцать седьмое

деление. Холодно было невероятно. Может, еще и потому, что дул знаменитый гродинский восточный ветер. Когда строили химический завод в Малых Грязнушках, никто и не подумал учесть розу ветров. Вокруг завода разрастался город, ему дали имя Гродин, но о направлении ветра вовсе не заботились. Наконец, определился центр, основная улица шла с востока, от завода, на запад. Потоки дикого степного воздуха, пометавшись в новостройках, устремились прямо по этой улице, и с тех пор вот уже лет пятьдесят не сворачивали с нее и не утихали ни на минуту. Получилась маленькая экологическая аномалия: в Гродине всегда дул ветер и всегда с востока на запад. Выбросы с химического завода оседали в городе. При коммунистах этого просто «не было», а теперь, когда завод работал едва ли в половину силы, выбросы химических отходов мало кого волновали. Ведь не мрут же гродинцы пачками! Мы не вымирали, это правда. Мы мутировали и выживали. Как тараканы. И даже рожали здоровых детей.

В тот январь Карина готовилась стать матерью. И в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое мы с Вагифом отвезли ее в роддом. Пока Кара рожала, будущий отец и будущая крестная мать тряслись от холода в машине и по очереди бегали в приемный покой узнать новости. Хорошо помню Вагифа, протирающего очки в тонкой оправе, запотевавшие в машине. Сидеть в помещении больницы нам не разрешили по причине ночи. В общем, у Карины родилась дочка, Вагиф совсем одурел от счастья, я, замерзшая до синевы, тоже была рада благополучному исходу. Расцветало утро.

– Девочка, – бубнил счастливый отец по дороге к общежитию педагогического института, где я жила, будучи студенткой. – Девочка! Три семьсот!

Он гордился каждым граммом дочери и, по-моему, до сих пор гордится.

В своей комнате, рассказав соседкам о том, как провела ночь, я заснула как бревно. К вечеру проснулась и не узнала себя! У меня воспалился передний верхний зуб. Я была похожа на слона. Роль хобота исполняла невероятно раздувшаяся верхняя губа. Три дня мучилась, что называется, дурью, смеяла своим видом соседей по общежитию и пыталась вылечиться с помощью полоскания содой, прикладывания листика алоэ и тому подобной чепухи. К вечеру третьего дня, устав от ноющей боли и доведенная буквально до отчаяния своим внешним видом, отправилась в стоматологическую поликлинику. Нетрудно догадаться, к кому я попала на прием. Увидев меня, Ведищев жизнерадостно сказал:

– А, девочка-слоник! Мы уже где-то встречались?

– Нет, – сказала я смущенно, за марлевой маской угадывалось лицо молодого мужчины, и к этому я была не готова.

Олег начал осмотр. У него были удивительные руки: умелые, сильные, немного пахнущие табаком. Он низко наклонялся надо мной, стараясь разглядеть больной зуб с внутренней стороны. Я отводила глаза, чтобы не встретиться с ним взглядом.

Олег бессовестно смешил меня, пока трудился над зубом, запрещая при этом отвечать и серьезно требуя, чтобы я не тряслась в кресле. Тряслась я от смеха, страх был давно забыт. Прием продлился до шести часов, когда поликлиника закрывалась. Из кабинета мы с моим врачом выходили вместе.

– У вас голова не кружится? – заботливо спросил он. – Может, проводить вас до дома?

– Не надо. У меня все в порядке, – я еле ворочала языком. Отек еще не сошел, к тому же обезболивающий укол продолжал действовать.

– Давай все же подвезу! – решил Олег.

Так все и началось. Потом я, уже с нормальным лицом и подкрашенными глазами, пришла на повторный прием.

– Девочка уже не слоник, а очень даже милая девочка! – просюсюкал Олег.

Потом он пригласил меня в кино. В те времена молодые люди ходили в кино на первых свиданиях. Потом мы еще несколько раз встречались. Через пару месяцев он познакомил меня с Ольгой Павловной, и она все решила за нас.

Ольга Павловна была ведущей журналисткой в газете «Гродинский химик», выпускаемой на химзаводе, но имеющей общегородское значение, потому что, в сущности, большая половина жителей городка была гродинскими «химиками». Теперь эта газета попала в частные руки и называется «Алхимик». Она имеет откровенно желтый привкус, но читатели любят «Алхимика», тираж раскупается за несколько часов. Пятнадцать лет назад Ольга Павловна Ведищева работала ответственным редактором «Гродинского химика», ее все знали, а она знала все обо всех.

– Вы учитесь в педагогическом? – спросила она у меня, и когда я кивнула, продолжила: – Ваш ректор все зовет меня к себе организовывать институтскую малотиражку, но мне все лень. Вы курите? А, не стесняйтесь! Я сама курю, а Олег – лицемер, курит, но поучает, как это вредно! Терпеть не могу, когда меня поучают.

Через шесть месяцев мы поженились. Пока я не закончила институт, все было замечательно. Когда диплом занял свое место в коробке для документов, я захотела ребенка. Это было начало конца.

Глава 9

Мы подъехали к нужному дому, надо было возвращаться из прошлого. Я вздохнула и закрыла книгу воспоминаний, хранящуюся в самом дальнем уголке моего сердца.

Квартира Кары располагалась на втором этаже в угловом подъезде. В окнах горел свет.

– Как бы увидеть, что это там происходит? – задумчиво произнес Олег.

– Напротив есть дерево, – подсказала я. – Надо влезть на него и заглянуть!

– Полезу, конечно, я, – погрузился он.

– Ну не я.

Олег вышел из машины, прошелся вокруг дерева, огляделся. Во дворе было пустынно, прохладный вечер разогнал бабuleк на лавочках и любопытных мальчишек. Бывший муж подошел к мощному стволу старого каштана и, пригрозившись, полез вверх.

Наблюдая, как он ловко подтягивает вверх свое крепкое тело, как легко продвигается по не слишком надежным веткам, я думала о том, что надо проще относиться к происходящему. Надо воспринимать появление Олега в моей жизни как подарок судьбы, как нечаянную радость, как новую точку отсчета жизни. Пусть он исчезнет завтра, пусть я не увижу его еще десять лет, неважно! Главное, он снова дал мне почувствовать, что я живу. Не в полную силу, но живу. И чего я испугалась, когда он попросил остаться? Побоялась, что он захочет вспомнить старое и переспать со мной? Господи, да у него жена – красавица! Куда такой старой, засохшей мымре, как я? Конечно, странно, что сейчас он не с ней. Но ведь объяснил, что не выносит ее истеричную мамашу! Это понятно и естественно: сама не люблю истеричек.

Тем временем Ведищев уже успел заглянуть в окно и спуститься вниз. Как раз вовремя! Через двор уже шла молодая мама с малышом лет трех. Они громко читали какие-то детские стишки, произнося каждый по одной строчке. Олег нырнул в машину и доложил:

– Значит, так! Там, в квартире, у дивана, на полу стоял Кирюшкин портфель. Алка, пошли! Скорее!

– А люди там есть?

– Я видел только одного человека в квартире. Там, ты знаешь, две комнаты, одна за другой. В окно просматривается дверь в соседнюю комнату. Там темно, а дверь открыта. Думаю, нет никого. На кухне тоже пусто. Так что тот парень, видимо, один. Где же сам Кирюшка?

– Какой парень? На кого похож? Может, я знаю его?

– Может, и знаешь. Но я-то не знаю, кого ты знаешь. – Очень доходчивое объяснение! Олег заметил, что я недовольно фыркнула, и стал описывать: – Ну, кажется, высокий, темные волосы... В джинсах и в свитере.

– Таких я с пару десятков знаю. Ты и сам под это описание подходишь!

– Нет, – покачал головой Олег. – Тот парень повыше меня будет. Ладно. Надо его потрясти. Может, Кирилл и не здесь, но он должен что-нибудь знать. У меня пистолет есть.

– Тот, которым ты мне угрожал? Боже мой! Ты в своем уме? Они тебя же и пристрелят из этого пистолета! – мне казалось, что его надо остановить.

– Ну, – он смущенно помялся, – не пистолет, на самом деле, а игрушка Кирилла, но выглядит очень внушительно. Даже бабахает как настоящий!

– Олег, а вдруг это ловушка?

– Мне плевать! Я узнаю, где Кирилл.

– Я боюсь!

Ведищев кинул на меня косой взгляд. Его упрямая верхняя губа презрительно изогнулась. Ну вот, приехали! Мне стало стыдно. Он мне доверяет, ему нужна моя поддержка, а я? В кусты? В следующий раз с ним будет его жена, и она не подведет.

– Хорошо, – решила я. – Хорошо, пошли. Если этот парень один, то мы с ним справимся, – я представила себе, как луплю здорового мужика ногами, как Джекки Чан. Выглядит смешно. – А если это ловушка, то мы идиоты. А как ты заставишь его открыть дверь?

– Увидишь! – Олег уже выходил из машины.

Возле двери, обитой коричневым дерматином, Олег достал пистолет, который и впрямь выглядел как настоящий. Я уже открыла рот, чтобы обнаружить свой трусливый характер, но он сделал мне знак молчать и нажал на кнопку звонка. За дверью послышалась мелодичная трель, и через минуту зашаркали чьи-то ноги.

– Что надо? – донеслось из-за двери.

Я узнала голос и помертвела. Все еще хуже, чем я думала.

– Откройте, пожалуйста, – загнул Олег, – это ваш сосед снизу! У нас что-то с потолка капает!

– У меня все в порядке, звоните в другие квартиры.

– Прошу вас, дайте я посмотрю! Может, вы течь не заметили, а меня жена просто запилит, если не найду, кто нас топит!

– Ладно, – уступил парень.

Загremели замки, звякнула цепочка. Как только дверь чуть подалась внутрь, Ведищев с неожиданной силой ударил ногой, обутой в тяжелый ботинок на толстой подошве, в дверь, возле ручки. У меня мелькнула мысль, что надо будет отмыть след подошвы, чтобы не заметила Карина. Изнутри раздался грохот падающего крупного тела и мат. Олег не рассуждал о дерматине, а за долю секунды ворвался в квартиру, съездил поверженного кулаком по скуле, знаком велел мне закрыть дверь и, приставив к голове пребывающего в шоке мужика пистолет Кирюшки, с угрозой произнес:

– Где мальчик, сволочь? Говори, а то прострелю тебе башку!

Я уже знала, кто лежит на полу с разбитым носом, поэтому ничуть не удивилась, увидев Мишку, когда глаза привыкли к темноте. Ведищев распорядился:

– Алла, вот тебе скотч, свяжи ему руки и ноги.

Я повиновалась. Бить связанного человека, мягко говоря, неблагородно, но Олегу перечить было невозможно. Он обезумел от страха за жизнь сына. Я видела по его лицу, слышала по интонациям, что теперь мне не остановить бывшего мужа.

Меня волновал еще один вопрос: сказать коллеге что-нибудь или промолчать? Ничего не решив, сделала то, о чем просил Олег, и отошла в сторону. Мишка тоже никак не показал, что мы знакомы.

Тем временем Олег продолжал обрабатывать свою жертву:

– Говори, тварь, где мой сын?

– Ничего не знаю, – подал голос Мишка. Сейчас его тон был совсем не таким уверенным, как обычно.

– Здесь его портфель, так что все ты знаешь! – убеждал его мой бывший.

Было страшно, что Олег снова ударит Горюнова. Но теперь это было неизбежно, и я отвернулась. Раздался какой-то чавкающий звук, Мишка застонал, а я невольно вздрогнула и спросила:

– Хватит, может? – и обратилась к Мишке: – Миша, говори, Олег убьет тебя за сына. Скажи все, что знаешь.

– Лучше пусть этот меня убьет, чем они, – просипел коллега.

– Кто они? – продолжал допрос Олег.

– Барыга с ребятами, – ответил Мишка, ничего не объяснив.

– Кто этот Барыга?

– Лучше вам не знать.

– Говори, раз начал, – Ведищев ткнул Мишку под ребра дулом пистолета.

– Это Рафик Ханмурзаев, у него сеть автозаправок...

– Рафик Ханмурзаев?! – произнесли мы с бывшим мужем в один голос. Он посмотрел на меня, а я, соответственно, на него. Олег выглядел потрясенным. У меня тоже был повод удивиться.

– Ты его знаешь? – спросила я первая, потому что у женщин вообще лучше реакция.

– Ну... – он замялся. – Зубы ему чинил. Как-то раз. А ты?

– А у меня рекламное агентство, я всех знаю, – это была хорошая отмазка. На самом деле, и мне не хотелось в этом признаваться, нас с Рафиком познакомил Вагиф. Ханмурзаев даже ухаживал за мной дня три или четыре. На большее его не хватило.

– Так что там у вас с Ханмурзаевым? – мы повернулись к Горюнову.

– Лучше вам не знать, – снова ответил тот.

– Миша, – вступила в беседу я, – мы уже вляпались дальше некуда. Так что нам лучше знать!

– Ты и его знаешь? – Ведищев махнул пистолетом в сторону моего «творца».

– Этот парень работает у меня в агентстве...

– Ага, – произнес Олег тоном: «Так я и знал!»

Разбираться с его эмоциями не было времени, но все же это «Ага!» меня неприятно задело. Как будто я все же измазалась в деле о похищении его сына нездоровыми связями.

Избитый и униженный, Миша еще колебался, тогда Олег приставил пистолет к самому дорогому месту на теле любого мужчины. Мишка посмотрел на своего мучителя, понял, что сейчас прогремит выстрел и он превратится в инвалида, повернул ко мне окровавленное лицо и начал рассказывать.

Оказывается, Горюнов уже давно связался с ребятами из местной криминальной группировки. Сначала, в качестве шабашки, делал рекламу их фирмам, отмывавшим нечистые денежки, потом выполнял мелкие поручения. Как журналист, одно время работавший в крупнейшем региональном издании, контролируемом правительством области, он был знаком со многими большими людьми, как говорится, на местах. Эти люди могли распорядиться о выдаче, например лицензии на торговлю спиртным, или необходимого разрешения на строительство автозаправки, в обход контролирующих органов. Миша знакомил своих старых и новых друзей между собой. Обычно знакомство оказывалось взаимовыгодным. Миша тоже не оставался внакладе.

В последний раз ему позвонили от Барыги с просьбой, именно так это всегда звучало, но отказаться от такой «просьбы» было безумием, проводить в Москву одного человека. Этот человек оказался мальчиком десяти лет, который почти все время спал или вяло смотрел по сторонам. В дороге Мише предписывалось покормить ребенка и дать ему три маленькие желтые таблеточки. В Москве Горюнов отвел ребенка по указанному адресу и вернулся в Гродин.

Барыга через своих ребят поинтересовался, что хотел бы Миша за оказанную услугу. Мой соратник признался бандиту, что хотел бы попасть в кресло руководителя рекламного агентства. Узнав, что нынешний директор «Эврики», по стечению обстоятельств, является бывшей женой отца похищенного ребенка, Барыга велел Мишке позвонить по указанному номеру телефона и сказать одну фразу: «Это тебе за Аллу!» Миша так и сделал. Барыга думал, что законопослушный стоматолог сразу побежит в милицию, меня сразу арестуют и обвинят в похищении. Кроме того, коллега проявил инициативу и от моего имени попросил взять у моей подруги ключи от квартиры, где оставил школьный портфель Кирилла и задержался сам, потому что дома его ждала только вредная жена. Портфель должен был стать дополнительной уликой, говорящей о том, что это ревнивая бывшая жена Ведищева организовала похищение.

Но непокорный дантист стал изображать из себя Рэмбо и в милицию не пошел.

– А ты не думаешь, – поинтересовался мой герой, – что в милиции быстро разобрались бы, что Алла невиновна, и отпустили ее. И она бы вернулась в свой кабинет.

– Ну стоило ее арестовать, как нашлось бы два десятка свидетелей против нее и множество новых улик. Барыга посадил бы ее надолго.

– А мальчик? – спросила я. – Ведь он бы потом сказал правду.

– Во-первых, – тон «творца» уже был поучительно-снисходительным, как обычно, хотя никто ему ничего хорошего в будущем не обещал. – Во-первых, мальчик вряд ли бы что вспомнил. Его накачали лекарствами по самую макушку. А во-вторых, найти его теперь нелегко.

Олег напрягся:

– Как это?

– Его продали.

– Как это? – снова спросил Олег побелевшими губами.

– Он теперь где-нибудь милостыню просит в Москве, – пояснил Мишка. Мне показалось, что его тон был даже злорадным. Неужели он такая гадина, что может радоваться чужому несчастью?

– Быстро говори, куда ты его отвез! – у моего бывшего мужа от злости пистолет в руке ходил ходуном. И будь оружие настоящим, боевым, последняя фраза Горюнова могла бы стоять ему жизни. А Олегу свободы. Как же хорошо все-таки, что в России нет права на ношение оружия для простых смертных!

Глава 10

Через два часа мы мчались через ночной город на заброшенную стройку, где Олег решил спрятать Горюнова, пока мы будем в Москве. На заднем сиденье рядом с Мишкой болтался одинокий портфель Кирилла.

У Олега уже был готов план: мы отвозим своего информатора в укромное место, где он подождет нашего благополучного возвращения, а сами поедem в столицу искать Кирилла. Горюнова необходимо изолировать, чтобы он не вздумал предупредить своего приятеля Рафика о планах бывших супругов Ведищевых. В милицию не пойдем, потому что теперь слишком много знаем, а у Барыги, конечно, есть свои люди и там. Да тот же Мишка и познакомил Ханмурзаева с кем-нибудь из милиции за три сребренника! В то время мы еще не знали, на кого нарвались.

Выводить избитого и связанного человека во двор к машине раньше наступления глубокой ночи мы не решились, поэтому ждали более позднего часа в квартире Карины. Я долго мучилась, позвонить подруге или нет, но решила, что звонить не буду, а ключи завтра утром завезу.

Олег заказал по телефону билеты на самолет на завтра. Я поняла, что тоже еду.

– Почему ты не берешь с собой Юлию? – имя его жены просто завязало у меня на зубах.

– Не хочу, – был сухой ответ.

Понятно, бережет ее! Все правильно.

Мишка стонал: у него вся морда была разбита и, кроме того, Олег здорово въехал ему в область солнечного сплетения. Я поискала в шкафчике на кухне и нашла то, что нужно, – несколько таблеток аспирина. Дала Мишке лекарство и подержала стакан с водой, пока он пил, ведь руки у него были связаны. Олег собирался заклеить ему и рот, но коллега слезно молил, чтобы мы этого не делали. Потом промыла раны перекисью водорода. Олег только брезгливо поморщился, когда я попросила его помочь мне. Вот вам и клятва Гиппократ!

Глядя на избитого Мишку, я вспомнила то, чего точно не хотела вспоминать до самой своей смерти. Однажды мне тоже пришлось испытать жестокость мужа на себе. Думаю, более страшного воспоминания у меня нет. Надо уточнить, что ребенка или беззащитное животное он бы обидеть не смог, но были некоторые обстоятельства, когда Олег терял над собой контроль. Это случалось редко, очень редко, и все же случалось.

Через два года после свадьбы Олег изнасиловал меня. Конечно, это было не совсем так, как если бы это сделал чужой мужчина... Никому – ни Карине, ни Ольге Павловне я ничего не сказала. Но это было.

Тут многое пришлось бы вспомнить, прежде чем попытаться объяснить его поступок. Так уж он был устроен, да, может, и сейчас таким остался, но для Олега любовь и секс означали почти одно и то же. Он любил меня – он занимался со мной любовью. Кроме того, в те времена без секса он и уснуть ночью не мог. А если уставал на работе, или был пьян, или по какой-то причине он не мог, то в постели, перед сном, прижимал меня к себе, как ребенок обнимает любимую игрушку, с которой уже не в силах играть. Я же относилась к его ежевечерним ласкам, как к чему-то, что необходимо терпеть, опять же потому, что я люблю своего мужа. В чем была причина моей холодности, объяснить не смогла бы никогда. Просто, видимо, я не созрела в свои двадцать два года. Знаю, что нормальные девочки с пятнадцати лет, а то и раньше, получают в постели все прекрасные ощущения, но у меня было иначе.

Олег чувствовал это. Сначала он спрашивал меня, что бы мне хотелось? Мне бы хотелось обнять его и лежать так долго, разговаривая, смеясь, бездумно глядя в телевизор или листая дамские журналы. Я готова была весь день торчать на кухне, готовя мужу разносолы, ухаживать за ним, улаживать его, но только не заниматься сексом. Мне не было больно или противно. Мне

было никак. Потом, через несколько лет после развода, я подушку грызла, вспоминая ночи с Олегом. Но их уже было не вернуть.

Ведищев пытался меня перевоспитать. Он стал таскать домой всякие газетки, типа «Про это и про то» и книжицы, вроде «Как доставить удовольствие в постели». В доме появились кассеты для взрослых, сексуальное белье и много еще всякого барахла. Наконец, я попыталась изображать удовольствие, но муж был слишком чувствителен, чтобы обмануться игрой фальшивой Чичоллины.

Однажды вечером, обычным вечером, года через два после свадьбы, он увидел мои равнодушные глаза и словно взбесился. Мне показалось сначала, что это шутка или очередной эксперимент, но когда Олег заломил мне руки за голову и грубо, со злобой вошел в меня, я испугалась не на шутку.

– Пусти, – просила я, – пусти, не надо, мне больно!

– Почувствуй хоть что-нибудь, хоть боль! – прорычал он.

Это длилось довольно недолго. Он даже не кончил, а прекратил насилие, встал, оделся и ушел. Его не было до утра. Я проплакала всю ночь. Тогда впервые я почувствовала, что такое нервная дрожь и холодные колени, которые невозможно согреть.

Свет фар выхватил из темноты кирпичную стену. Олег остановил машину. Мы вышли, ведя Мишку под белые руки. Коллега откровенно трясся, ему казалось, что все люди вокруг такие, как он сам, и готовы на подлость, убийство и похищение. Строго говоря, конечно, мы его похитили, но смерть ему не грозила, так что нечего было и паниковать.

Олег вел наш недружный отряд между еще недостроенными, но уже полуразрушенными корпусами какого-то промышленного объекта. Мишку развязали, но бежать он боялся, памятуя об оружии, спрятанном в кармане куртки Олега. Я и не думала, что он такой трус. У меня в руках были одеяла и увесистый баул, в который я положила купленные по дороге хлеб, колбасу, сыр, воду, аспирин, йод и вообще набила бы его всем, что видела на прилавке, если бы Олег не запретил баловать узника. Мы вошли в здание, спустились в подвал. Здесь было совсем темно. Ведищев велел мне включить припасенный фонарь. На полу был большой люк, Олег отодвинул его, открыв небольшую камеру, метра два глубиной и столько же в длину и ширину.

– Прыгай, – скомандовал дантист.

– Куда? – заныл Мишка. – В этот гроб? Нет, лучше убейте меня здесь.

– Ладно, – сказал равнодушно Олег и достал пистолет. – Здесь труп никогда не найдут.

– Что называется, – подгавкнула я, – концы в воду!

Мишка теперь вызывал во мне сложное чувство: смесь жалости и безразличия.

Жертва с укоризной посмотрела на нас и стала спускаться в каземат. Оказывается, там была железная лестница, ведущая вниз. Олег сбросил ему туда одеяла, сумку с водой и провизией, передал пленнику фонарь.

Мишка все гнул, пока мы задвигали люк и наваливали сверху строительный мусор. В итоге получилась весьма правдоподобная куча битого кирпича, шифера и всего такого.

– Откуда ты знаешь про это местечко? – спросила я.

– В пейнт-болл летом играли, – ответил Олег. – Теперь поедem ко мне. Возьмем мой паспорт.

– Я не поеду. Отвези меня домой. И в Москву я не поеду. Все-таки пусть едет она. Она же мать!

Мы уже добрались до машины. Олег молча открыл передо мной дверь, подождал, пока я усядусь, и хлопнул дверцей. Я давно должна была перестать так остро чувствовать его, понимать движение бровей, читать мысли по походке и жестам, но ясно видела: он злится. Ему неприятно мое упрямство и, главное, неприятно, что я все время вспоминаю его жену. Ну да! Кто я такая, чтобы поминать ее имя всуе. Но, как бы я ни убеждала себя, что встреча с бывшим

мужем – пустяк, переживу, душа болела все сильнее. Я ведь тоже могу потерять над собой контроль!

Это как пропасть в твоём сердце. Ты знаешь, что надо ее преодолеть, перебрасываешь канаты на противоположную сторону, перебираешься по ним, болтаясь без страховки над бездной и чувствуя, что пальцы вот-вот разожмутся вопреки воле. Потом строишь мост через бездну, чтобы ходить по нему туда-сюда, делая вид, будто пропасти не существует. И все это через боль, через память, через обиду. Душишь в себе мутную злобу, и зависть, и все черное, что накапливается, грозя покрыть собой всю тебя. И каким бы прочным ни был мост, ты можешь рухнуть с него в любой момент. Особенно в такой момент.

Олег завел мотор и повернулся ко мне:

– Даже не знаю, как тебя просить! Понимаешь, дело серьезное, мне нужна помощь. Ты уже в курсе, ничего объяснять не надо. Помоги?!

– Я-то тут при чем? Мои проблемы решены. У меня через неделю презентация на химическом заводе. Кстати, Мишка на нас в суд подаст за похищение.

– Пошел он... Суну ему пару тысяч зеленых.

– Не знаю, не знаю... Лучше бы его в милицию отправили. И вообще лучше обратиться в милицию.

– Ты же понимаешь, что там все схвачено! Только я сам все решу. С тобой.

Он попытался взять меня за руку, но я не позволила этого. Олег кинул на меня взгляд, быстрый, но оценивающий и внимательный.

– Ну хорошо, поеду один. Только, Алла, сделай для меня последнюю услугу! Больше ни о чем просить не буду. Пропаду из твоей жизни еще на десять лет. Разреши мне остаться у тебя до утра. Я не побеспокою тебя! Посижу на кухне. Ну не могу я остаться один в своей квартире сегодня!

В итоге я согласилась. И не только на его присутствие в моей квартире сегодня ночью, но и на поездку в Москву!

Почему согласилась? Неужели на меня так подействовало это: «Пропаду еще на десять лет...»? Я обманывала себя простыми рассуждениями, вроде таких: он сейчас как в отпуске от семьи, по чрезвычайным обстоятельствам. Жена у мамы. Он должен разыскать сына, и я нужна ему... За долгие годы впервые не хотела смотреть правде в глаза. Не хотела признаваться даже самой себе, что не хочу его отпускать ни на десять проклятых лет, ни на минуту. Что жду реванша, что всегда мечтала, чтобы он вернулся, чтобы стала нужна ему, чтобы он увидел, что я... я лучше той! Дурацкие мысли гнала из своей головы, выметала поганой метлой, изо всех сил изображая независимость, самостоятельность, самодостаточность, лояльность к его ситуации. В общем я пыталась держаться так, как держалась все годы после развода.

И тем не менее согласилась пустить сироту переночевать в моей квартире. Чем-то это уже походило на детскую сказку – притчу о зайце и лисе.

Получив желаемое согласие, мой Лис повилял хвостом и повез меня к себе домой. Ему нужно было взять документы и вещи.

А я стала раздумывать о том, что сказать Карине. Скажу всю правду, только потом, когда все уладится.

Карина... Наши судьбы были уже настолько переплетены, что если что-нибудь случилось у нее, то в этот же самый момент нечто происходило и у меня. Вот, к примеру, я познакомилась с Олегом, когда родилась Настя, мой развод совпал с рождением ее сына Тигранчика. Карина была беременна во второй раз, а я совсем рехнулась на идее родить ребенка. Я носилась вокруг подруги волчком, переживая вместе с ней все нюансы ее беременности. У Карины болит спина – я делаю ей массаж, у Карины давление – я делаю укол, Карина хочет тушеного кролика – я несусь на рынок. Соки, минеральная вода, витамины, прогулки перед сном, походы

в женскую консультацию – такими были мои девять месяцев беременности Карины. Вагиф смеялся:

– Как хорошо, что есть Аллуся! Если бы не она – Кара загоняла бы меня до смерти, а так я лежу на диване, а Алла бегаёт по аптекам и магазинам.

Конечно, меня никто не заставлял все это делать. Мне хотелось. Мне так хотелось своей беременностью, что я переживала чужую как свою. Конечно, каждый божий вечер я рассказывала в мельчайших подробностях о состоянии Карины Олегу. Ослепла я тогда, что ли? Ему эти разговоры не так уж и нравились. Ну, в самом деле, зачем мужчине сведения о процессе лечения молочницы у беременной подруги жены? Для меня же все, что происходило с Карой, казалось важным, интересным. Утренняя тошнота, резус-фактор, анализы мочи и прочее я воспринимала как нечто неотъемлемое от чарующего мира беременных женщин и поэтому – прекрасное.

Откровенно говоря, мое желание родить ребенка было несколько... ну как бы это сказать? Несколько ненормальным. Я хотела быть беременной, хотела пройти все стадии родов, нянчиться с младенцем, обязательно кормить его грудью. А вот хотела ли я мальчика или девочку, какого вообще я хотела ребенка? Чему бы я учила его? Для чего он был мне так нужен? Неужели только для удовлетворения самого эгоистичного из человеческих инстинктов – материнского? Ведь, производя ребенка на свет, ты тем самым не только подтверждаешь свое право жить, но и заселяешь мир себе подобными. Станет ли мир лучше, если в нем будут жить несколько таких, как я? Подумав над этим лет пять, я решила, что мои потомки вряд ли сделают жизнь на планете Земля более приятной.

Вот Кара или Юлия о таком не задумывались. И у них было все в жизни: семья, любимый мужчина, дети, дом. Меньше надо думать, вот что!

Десять лет назад, в мае родился Тигранчик. Не надо уточнять, кто составил компанию Вагифу, ожидавшему появления сына под окнами роддома. На этот раз здоровенький ребеночек родился около четырех часов дня.

Вечером я встретила мужа праздничным ужином. При свечах, но без алкоголя – мы ведь хотели зачать здорового ребенка! Не помню, что уж такое готовила я по поводу рождения Тиграна Вагифовича, но было вкусно, уютно, и я трещала о радостном событии без умолку. Муж ел, кивал и молчал.

Потом я потащила его в постель. Он сел на край кровати, ссутулившись и опустив голову. Я обняла его и игриво сказала:

– Давай, раздевайся! У меня сегодня благоприятный для зачатия день! Я мерила температуру...

– Зачатие уже произошло, – перебил меня Олег, поднял голову и следил за мной каким-то особым взглядом. До сих пор не могу понять, хоть и думала о том моменте тысячу, нет, сто тысяч раз, что же он чувствовал тогда? Вину или облегчение от того, что произнес наконец слова правды? Может, просто боялся скандала? Откуда ему было знать, что я поступлю так, как поступила.

– Какое зачатие? – я остановилась, не понимая, боясь понять.

– Я изменял тебе. Уже полгода. Моя любовница беременна.

Если, не дай бог, вас когда-нибудь били по голове, сильно и зло, вы поймете мои ощущения. Просто очень больно, тошнотворно больно. Немного обидно в первый момент, а потом это чувство усиливается, и начинаешь прокручивать в мозгу: как же это произошло? Почему я не отклонилась вправо, влево? Как обидно, что теперь так больно!

Помолчав всего с минуту, постояв вот так, полураздетой статуей посередине спальни, пошла на кухню, отыскивала запрятанные от греха подальше (ведь мне был зачем-то нужен здоровый ребенок!) сигареты, закурила и стала ждать, когда придет за мной Олег, все объяснит, скажет, что я не так его поняла, ну, или еще что-нибудь такое и все вернется на круги своя.

Олег не пришел. Тогда я оделась в ту одежду, которую сняла пару часов назад, когда, окрыленная счастливым разрешением Карины, прибежала домой, взяла сумку – и ушла из дома мужа навсегда.

Глава 11

Машина остановилась у знакомого подъезда. Олег пригласил меня подняться, и я пошла с ним в прошлое. В подъезде был тот же запах сырости, ступеньки были еще сильнее оббиты по краям. Дверь в квартиру теперь стояла новая, металлическая. Значит, хозяевам есть что прятать. Мы вошли в коридор. Я остановилась у порога, но потом все же решилась:

– Можно, я посмотрю?

Олег равнодушно кивнул и исчез в спальней. Он был разочарован тем, как живу я, но его собственное жилище вызывало чувство искреннего недоумения. Ведь он – богатый, по меркам Гродина, человек, хозяин крупнейшей в городе стоматологической клиники...

Я ожидала увидеть современную стильную квартиру, как у той же Карины. Но комнаты были обставлены с шиком середины восьмидесятых. То есть мебель была новая, но подбиралась по вкусу человека, большую часть жизни прожившего в совке и получившего от этого тяжелую дизайнерскую травму.

В гостиной стояла примитивная стенка, так и витали в воздухе слова: «производство ГДР», хотя сама ГДР давно почилла в бозе. На стене висел огромный ковер с симметричным рисунком в бежево-коричневых немарких тонах, мягкая мебель, аналогичная той, что украшала комнату, по-моему, лет пятнадцать назад, называлась «Корвет» – мечта любой советской хозяйки. На окнах висели турецкие занавески, купленные на рынке.

Я заглянула в кухню. Практично. Да, так можно определить стиль помещения.

Дальше не пошла. Зачем? И так все ясно! Юлия перестала быть для меня таинственной и прекрасной незнакомкой. Это женщина, лишенная фантазии, с примитивным вкусом и простым взглядом на жизнь. Если права была Ольга Павловна, и Юлия к тому же самоуверенна и любит поучать, то... То зачем тебе такая женщина, Олег? Почему ты выбрал ее?

Старая обида снова вскипела в душе. Я крикнула Ведищеву, копающемуся в спальне, что подожду его на улице, и спустилась вниз, к машине.

По дороге домой мы заехали в круглосуточный супермаркет, и Олег закупил провианта, будто собирался прожить у меня остаток своих дней. Впрочем, если покопаться в памяти, можно припомнить, что покупка такого количества продуктов в годы нашего совместного проживания была делом обычным. Мы оба любили поесть. Причем муж покупал свежее мясо, овощи, рыбу, то есть продукты, которые еще надо было доводить до состояния еды довольно долго. Полуфабрикаты мы презирали. Паштет, например, Олег называл «один раз переваренным мясом».

Дома Ведищев, прежде всего, припрятал в стиральной машинке сумку с деньгами, занятыми Олегом у своего клиента на выкуп Кирилла.

– Ты возьмешь деньги в Москву? – спросила я.

– Безналом, – коротко бросил он.

Потом повеселевший мужик занялся приготовлением ужина. Он уже успел убедить себя, что все будет хорошо, завтра наступит новый день, хорошим парням везет и так далее. Резкий переход от депрессии к веселью тоже был мне знаком. Через час он, возможно, снова погрузится в панику, но сейчас порхает по кухне, ругает меня за отсутствие кухонной утвари и предвкушает сытную еду.

– Налей мне вина, пожалуйста! – попросил он. – И себе тоже.

– Я не хочу.

– Ты, я вижу, и курить бросила. Похвально!

– Забочусь о своей внешности, – пояснила я, подавая Олегу стакан с вином.

– Заметно! Ты выглядишь просто великолепно. А бокалов, конечно, у тебя нет. Ладно. – Он отпил из поданного мной стакана приличный глоток, поставил его на стол и принялся резать

мясо. – Интересно, зачем ты так трясешься над своей внешностью, если ни с кем не встречаешься? Или встречаешься?

– Нет, – мне совсем не хотелось обсуждать эту тему, но очень хотелось есть, а Олег, как я помнила, прекрасно умел жарить мясо. Значит, надо было потерпеть дурацкие расспросы.

– Посмотри на себя, – Ведищев ткнул в мою сторону ножом, и я машинально обернулась. Он хмыкнул: – На себя, а не на стену! Ты платиновая блондинка с аппетитной задницей, ухоженная, разодетая и... Одинокaя! Неувязочка получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.